

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Анна КЛИМЕНКО

ВЕК ЗОЛОТЫХ РОЗ

Издательство «Альфа-книга»

Анна Клименко
Век золотых роз
Серия «Квадрат мироздания», книга 1

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165631
Век золотых роз: Армада; Москва; 2008
ISBN 978-5-9922-0015-7

Аннотация

Он – Избранный Матери всех синхов и его судьба – уничтожить Отступника. Ему предстоит пройти полмира, от моря Холодов к темному храму, туда, где раньше цвели золотые розы и возносились молитвы Ее Претемному Величеству...

Сможет ли одинокий синх пройти этот путь, принести последнюю жертву и вернуть трон своей богине? Какова цена возвращения Темной Матери, без которой, как ни странно, мир обречен? И, наконец, вернется ли из города Мертвых воин, от решения которого зависит судьба самого Избранного? Ответов не знают даже боги.

Но сделан первый шаг, и послушно стелется под ноги дорога, и пристально следят за происходящим адепты Великого Дракона. На одной чаше весов – равновесие мира, на другой – одна-единственная жизнь. Выбор, как всегда, за смертными...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	21
Глава 3	34
Глава 4	44
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Анна Клименко

Век золотых роз

Пролог

Дикие земли, Храм Шейниры.

«Может ли смертный победить бога?»

Верховный жрец Шейниры, Темной Матери всех синхов, смотрел на долину золотых роз, которая окружила Храм едва ли не у начала времен. Легкий ветерок, не нарушающий духоту ночи, гнал волны по долине, и тогда старому жрецу казалось, что розы издают едва различимый звон, точно маленькие колокольчики. Да они и выглядели так, словно каждый лепесток был сделан из сусального золота – но, конечно же, звенеть не могли. Самые обычные живые цветы, которые только кажутся драгоценностью...

«Как и многое под небом Эртинойса», – старый жрец усмехнулся, побарабанил когтями по резным малахитовым перилам.

– Вы слишком красивы, – шепнул он, обращаясь к поблескивающим в паутине лунного света цветкам, – но мне ли не знать, скольких смертных вы отправили к богам-покровителям своим ароматом?

Снова подул ветер, и старику в который раз послышался тихий мелодичный перезвон.

«А может быть, они просто оплакивают свою судьбу, предчувствуя скорую гибель?»

Жрец поежился. Главное, не дать мыслям Темной Матери просочиться в свои собственные. А розы – розы и вправду были обречены. Что есть простой цветок, пусть и священный для Претемной Шейниры, когда его хозяйка и покровительница очутилась в темнице? Пройдет еще несколько лет, и золотые розы исчезнут с лица мира.

«Но исчезнут ли следы их повелительницы?»

В этом старик не был уверен. Более того, он предполагал, что заточенная, преданная своим приближенным богиня, даже пребывая скованной и ослабленной, не успокоится до тех пор, пока не найдет себе освободителя. Ну, а затем – она постарается использовать все свои хитрость и коварство, чтобы Избранный дошел до Храма и убил Отступника.

Того смертного, который силой своей веры смог победить темную богиню. Верховного жреца опустевшего ныне Храма. Старого синха по имени Шезра, то есть...

«Ну, а что дальше?» – думал синх, – «Храм опустел, синхи, уверовав в проклятие Шейниры, разбрелись кто куда, и от наших городов не останется и следа, все скоро поглотит лес. Не получится ли так, что по твоей вине, старая ты ящерица, народ синхов перестанет существовать и вовсе? Ведь без Шейниры, без ее смертоносного дара мы беззащитны перед теми, кто по-прежнему обращается за помощью к своим богам! Пусть и были проиграны войны, но Покрывало Шейниры по-прежнему делало синхов опасными и для воинственных ийлуфов, да для хитрых элеанов...»

Шезра замотал головой. Синхи – мудрый народ, и поймут, что прекрасно обойдутся без помощи своей темной богини. В конце концов, на зов отчаявшихся отзовутся другие боги-покровители Эртинойса, наделят своей силой... В это хотелось верить.

«Если будет, кого наделять!»

Он вздрогнул. По хребтине потянуло неприятным, промозглым холодком – и это посреди душного лета в самом сердце Диких земель. Снова шепот плененной богини в ушах, снова шелест змеиного хвоста по камням...

– Ты требуешь слишком много за свою помощь, – решительно сказал Шезра, обращаясь к плененной им Шейнире, – твое ожерелье Проклятых душ и без того полно. *Истинный бог-*

покровитель никогда не будет держать души своих детей в вечном плену страданий. И теперь... Да, теперь я точно уверен в том, что сделал все правильно!

«Глупец. Твой мозг высох от старости, и тебе даже и в голову не пришло, что другие покровители попросту тебя использовали».

Мать синхов оскорблено умолкла.

А Шезра безжалостно задавил росток сомнения в душе. Стоит потерять веру – и оковы падут, и темная мать вернется в Эртинойс. А синхи, приходя в мир свободными, опять станут ее рабами до конца времен...

Он неподвижно стоял на балконе главной башни, откуда открывался чудесный вид: блестящие старым золотом цветы, дальше – расплывчатые в сизой дымке силуэты деревьев, а у самого горизонта – темная кромка южного леса.

На душе старика вновь стало покойно и уютно: ну и что, что Шейниры больше нет в Эртинойсе? И что там говорили древние учителя, *метхе*, о пресловутом равновесии, о квадрате мироздания? Вот он, мир, вполне живой, и ничего особенного с ним пока что не случилось. Ну, разве мелочи, на которые и внимания не стоит обращать...

Что-то коротко звякнуло о камень, Шезра инстинктивно пригнулся – и очень вовремя, потому что второй метательный нож царапнул кожу на виске. Синх даже слегка удивился: как же так, неведомый убийца – и промахнулся в первый раз? Не иначе, всемогущая судьба оградила...

А в голове молотом стучала кровь, и металось одно-единственное, трусливое словечко – «бежать».

Шезра действительно побежал; метнулся прочь с балкона, в темный коридор, оттуда – на лестницу, ведущую вниз, через залы Даров и, едва не скатившись по ступеням, шмыгнул в первый зал.

«Пусть теперь ищут», – подумал он, съеживаясь за пирамидой из черепов.

Принадлежали они в основном ийлурам, которых во время величия Шейниры сотнями приносили в жертву. Считалось, что богине угодны души этих детей Светлого Фэнтара, но, правда, никто так и не смог объяснить молодому синху Шезре – а куда, собственно, потом отправляются эти души. В ожерелье? Вряд ли, потому что там Шейнира хранила только души синхов. Напрашивался сам собой вывод о том, что Темная Мать попросту питается душами ийлуров, но это были догадки, не более.

Шезра прислушался. В тишине раздались осторожные шаги убийцы, который смог пересечь долину золотых роз, забраться по стене Храма. И тут – эх, не помешали бы храмовые стражи! Но, увы, Храм Шейниры давно опустел.

«И никто тебе не поможет», – злорадно прошипела богиня.

Шезра только стиснул зубы – пусть себе говорит, что хочет, он не сдастся.

Шаги. Снова, и значительно ближе, чем того бы хотелось. Старый синх сидел за черепами, вжавшись спиной в холодную стену; как никогда, ему хотелось стать крошечной букашкой, чтобы незаметно убраться подальше, под защиту приготовленных ловушек.

Послышался тихий металлический шелест – с таким клинок выкальзывает из ножен. Перед тем, как разить насмерть...

Хрясь! – и черепа, стуча, покатались по полу в разные стороны. Шезра взвизгнул от неожиданности, едва успел перекатиться на бок; клинок ударился о каменные плиты как раз в том месте, где до этого был синх. Синх даже успел кое-как разглядеть убийцу: высокий, плечистый, по-видимому, ийлур. В потемках тускло блеснули кованые пластинки на куртке. А Шезра-то все эти годы считал Храм неприступным, да вот, видать, ошибся... И золотые розы не помогли, не навяли смертельный сон...

– Остановись! – Шезра успел-таки на четвереньках уйти от следующего удара мечом, – остановись, слепец! Кто тебя послал сюда?!!

Неведомый ийлур не пожелал продолжать беседу, и Шезра, задыхаясь, рванул что есть сил к выходу из зала. За крепкой дверью его ждало спасение.

Только вот куда старому синху состязаться в беге с молодым и крепким воином из народа ийлуров? Шезра только моргнул, когда в грудь ему уперлось лезвие меча.

– Остановись, прошу, – с трудом проговорил Отступник, – ты не ведаешь, что творишь... кто тебя послал?

– Это ты не ведаешь, что натворил, – вдруг ответил убийца, – совершенная форма нарушена, врата открылись. Вот что я должен был тебе сказать, синх, перед тем как...

Шезра медленно пятился. В душе искоркой затеплилась надежда; если не получилось уйти через дверь, то ничего не остается, как любым путем добраться до стены. Ну, а там...

– Но разве я не избавил Эртинойс от Темной Матери? – он умоляюще сложил руки между сердцами, – разве ты, дитя Фэнтара, не должен этому радоваться?

– Кэльчу бегут из своих домов, а город мертвых может поглотить пол-Эртинойса – глухо ответил ийлур, – ты *об этом*, видимо, не подумал?

И убийца поднял меч, собираясь снести старому синху голову. Поднял – и, дернувшись всем телом, начал медленно оседать на пол. Из груди торчал тонкий дротик, нашедший свою цель.

А Шезра вздохнул и убрал руку с потайного рычажка. Все-таки добрался до стены... Что ж, тем лучше...

Позже, запалив факел, Шезра тщательно обыскал убитого. Он старательно рылся в сумке на поясе бездыханного ийлура, пытаясь найти то, что указало бы на источник опасности, но не нашел ничего, кроме наконечников для стрел, карты Диких земель и грубо набросанного плана башен Храма.

В памяти всплыли последние слова ийлура. Шезра, конечно, прекрасно понял, о чем шла речь, но...

«Разрыв границы, *врата*, никогда не поглотят весь Эртинойс», – подумал синх, – «а кэльчу... они найдут себе и другие жилища. Главное, что синхи теперь свободны... Да, это – главное».

Королевство Гвенимар, башня Хранителей Границы

В янтарных глазах ийлуров плавали огненные блики.

– Это было на редкость... – она умолкла, подбирая слово, затем продолжила, – на редкость неразумное решение. И теперь вам это должно быть понятно.

Высокая, тонкая, как тростинка, женщина стояла перед длинным столом, за которым сидело четверо: ийлур, элеан, кэльчу и синх. Представители всех рас, заселивших в незапамятные времена Эртинойс, дети разных богов – сидели за одним столом. И, пристыжено разглядывая древесный рисунок столешницы, слушали.

– Разве вам не пришло в головы, что подобное вмешательство недопустимо? – устало спросила ийлура, – О, Дракон! Да неужели вы и в самом деле решили, что Шейнира беззащитна, и не в состоянии найти того, чьим предназначением будет разделаться с Отступником и стать во главе народа синхов?! Более того, Темная мать уже нашла будущего убийцу Шезры, но – благодаря вашему... гхм... вашим поспешным действиям он попросту не дошел до Храма! Погиб, съеденный волками, самыми обычными волками! Довольны? И теперь пройдет еще неведомо сколько лет, прежде чем богиня найдет себе еще одного *Избранного*... О, разумеется, вы об этом тоже не подумали...

И она, горько усмехнувшись, покачала головой.

Воцарилось молчание. В камине гудело, билось пламя, и в зале было жарковато – но ийлура не переставала кутаться в накидку из белоснежной шерсти. Ее бил озноб, хрупкие плечи заметно дрожали. А на лице – худощавом, без капли румянца, застыло легкое презре-

ние. Так и стояла посреди зала, строгая наставница перед недотепами-учениками, которые не в состоянии понять даже самую простую мысль.

Первым подал голос синх. Он был стар, настолько, что кожа его утратила зеленый цвет и стала коричневой, а с лысого черепа – на котором никогда и не было волос – уже начали осыпаться мелкие чешуйки. Синх сложил домиком костлявые пальцы с желтоватыми загнутыми когтями и неторопливо изрек:

– Мы понимаем твой гнев, Хранительница. Но, в отличие от тебя, мы не в состоянии узреть будущее – а потому не могли предугадать, чем завершится наша попытка избавиться от Отступника и таким образом восстановить квадрат мироздания. К тому же, тебе ли не знать, что город Мертвых, что в прошлом носил гордое имя Кар-Холом, изменился? То, чего вообще не должно быть в Эртинойсе, расплзается подобно кляксе на пергаменте, и кто знает, что ждет южные земли еще через пару зим?

Ийлура энергично мотнула головой, отчего всплеском легли на плечи ее смоляные пряди.

– Вы – хранители Границы. Прежде всего. Ну так и охраняйте ее... Еще раз прошу – не вмешивайтесь в восстановление равновесия Эртинойса. Разумеется, сейчас не время сидеть сложа руки, но, но... *То, что вы сделали – вы сделали неправильно!* Как мне доходчиво объяснить, что столь явное воздействие недопустимо? Нельзя, нельзя напрямую помогать Избранному, если таковой обнаружится в ближайшее время, и точно также нельзя трогать Отступника. Все это... слишком раскачивает и без того далеко несовершенное равновесие, затрагивает интересы всех Покровителей...

Она умолкла и, обхватив руками плечи, уставилась на бушующее в камине пламя. Поднялся ийлура – высокий, широкоплечий. Впрочем, как и все дети Фэнтара. Он был уже немолод, борода, заплетенная в короткую косичку, поблескивала сединой, да и виски оплела серебристая паутина. Ийлура нервно провел широченной ладонью по волосам, одернул тунику.

– Мы прекрасно тебя поняли, Хранительница. Значит ли это, что Храм Дракона все заботы о равновесии берет на себя?

– Я этого не говорила, – заметила ийлура, – я только просила больше не лезть не в свое дело... Если вы, конечно, понимаете, что это значит. В этот раз вы сделали только хуже. Кто знает, что будет дальше?

– Ты не ответила на мой вопрос, Хранительница, – голос ийлура зазвенел натянутой струной, – ты и твои адепты... Вы берете на себя заботу о новом Избранном Шейнирой? Потому как и ты, и мы знаем, что квадрат мироздания должен быть восстановлен...

Янтарные глаза зло сузились, ийлура шагнула к камину.

– Вы... Не смейте. Забыли, с кем говорите?!

– Мы помним, – улыбнулся старый синх, – но, Хранительница, пойми и ты нас. Не будет восстановлено равновесие, не восстановится Граница. А нас это, сама понимаешь, изрядно волнует.

Еще шаг к камину – крошечный, нерешительный.

– Хорошо. – она оглядела присутствующих, – я обещаю, что Храм Дракона присмотрит за новым Избранным. Но вы не должны более ни во что вмешиваться...

– Значит, решено, – миролюбиво улыбнулся ийлура, усаживаясь, – мы ни во что не вмешиваемся и не пытаемся убить Отступника. Пусть все идет, как идет.

Она коротко кивнула, одарила присутствующих ледяной улыбкой и – шагнула к жерлу камина. Несколько мгновений белоснежное платье и черные волосы еще виднелись в ревущем пламени, а затем они попросту исчезли.

Старый синх тяжело вздохнул и устало оперся подбородком на сцепленные пальцы.

– Хранительница, пожалуй, права, – прошелестел он, – мы не должны вмешиваться. Мы сделали только хуже... А Шейнира – наша Темная мать – глупо предполагать, что она и в самом деле беззащитна.

Маленький кэльчу, творение мудрого Хинкатами, который молчал все это время, почесал затылок – заскребли друг о дружку костяные пластинки цвета старой кости, что покрывали его голову.

– Я бы сказал, уважаемые, что мы не должны вмешиваться *явно*. Кто нам мешает отправить в длительное путешествие одного из хранителей Границы?

Шевельнул кожистыми крыльями элеан, дитя сумеречного бога Санаула.

– Я тоже полагаю, что лазутчик поблизости от нового Избранного не помешает. Эта... Хранительница – да пусть она хоть трижды Хранительница спящего Дракона – слишком много о себе возомнила...

– Все. Совет окончен. – синх медленно поднялся из-за стола, ийлуру поддерживал его под локоть, – разумеется, мы не будем игрушками для Храма Великого Дракона... Но.

В красных глазах коротко полыхнул насмешливый огонек.

– Скажите мне, уважаемые, откуда мы узнаем, кто есть новый *Избранный* и когда он объявится в Эртинойсе?

– Мы можем узнать, – поднялся и элеан, – *я могу...* и, думаю, тебе ведомо, как я это сделаю, метхе...

– Вот и замечательно, – прошелестел синх, – на том и остановимся, уважаемые.

И, уже обращаясь к ийлуру, сказал:

– А ты, будь любезен, выбери кого-нибудь из способных воинов... Хотя, боюсь, пройдет еще немало зим, прежде чем мы увидим следующего Избранного.

Глава 1

Отступник

Шезра проснулся с криком. Затем, судорожно хватая ртом воздух, долго в темноте искал огниво, царапая когтями по столику, также долго и бестолково пытался зажечь масло в лампе... Тусклый огонек отпугнул мрак, тени прилипли к стенам спальных покоев, но от этого стали еще гуще.

Шезра сел посреди мятых простыней, поднял лампу повыше – дрожащий круг света выхватил из непроглядной черноты фрагмент фрески. Сложенный кольцами хвост Шейниры. Старик повел лампой, уставился в лицо богини – и ему вдруг показалось, что она ухмыляется.

– Смеешься, – пробурчал он, – смейся, сколько тебе угодно. Уж я-то постараюсь сделать так, чтобы ты навсегда осталась в там, где ты сейчас.

«Хотя отчего ты так уверен в своей правоте?»

Шезра задавил эту скользкую мыслишку, как слизняка. Не стоит даже думать о том, что все могло быть иначе.

– Да-да, старая ящерица, – прокряхтел он, поднимаясь с постели и растирая ладонью ноющую поясницу, – лучше пойди и проверь, все ли в порядке в зале Жертв.

А дело было в том, что этой ночью Шейнира снова, как и много лет назад, шевельнулась в своем заточении. Оттого и завопил среди ночи Шезра, почувствовав, что на горле все туже и туже затягивается тоненькая петелька, а в ноздри ударил приторный аромат золотой розы.

Она просыпалась, пребывая в гневе, и Шезра почти услышал ее злой смех. Могло это означать только одно: Шейнира ухитрилась-таки найти в Эртинойсе того, кто был готов вернуть ей свободу, а синхам – иллюзию оной.

И Отступник будет наказан...

Шезра вышел в темный коридор, по обе стороны усиженный низенькими дверями жреческих келий, дошел до первого зала Молитв. Угловатая, ломаная тень синха в страхе металась по полу в такт колыханию огня в лампе, а со стен грозно взирала богиня, преданная и заточенная тем, кто был к ней более всего близок. В глаза бросались кровавые капельки рубинов в ожерелье Проклятых душ и золотая роза в руке.

«Сколько же душ ты обрекла на страдания? Не счесть. Полагаю, тебе достаточно, и новые будут излишни».

Шезра просеменил через зал, стараясь поменьше смотреть на многочисленные лики Шейниры, вздохнул с облегчением, оказавшись на лестнице. Теперь оставалось отсчитать тысячу ступеней – и упрешься носом в узорчатые двери зала Жертв. Синх начал свой спуск, стараясь оберегать лампу от сквозняков.

Когда-то Храм Шейниры кишел жрецами и посвященными, теперь же здесь, в самом сердце Диких земель, не осталось никого, кроме старого Шезры. Синхи попросту разбрелись по Эртинойсу, потому что Шейнира перестала отвечать на их молитвы. Отступник остался, чтобы до самой смерти охранять покой своей богини. Он еще надеялся найти себе замену, но с каждым десятилетием надежда таяла, словно кусок льда на солнце.

Кладая когтями по гладким малахитовым ступеням, Шезра продолжал спускаться.

Когда-то... Он частенько спускался по этой лестнице в сопровождении сперва посвященных, а затем и жрецов младшего ранга. И каждый раз оба сердца неистово колотились в предвкушении того могущества, что вливалось в жилы после каждой принесенной жертвы.

Но в один прекрасный день все изменилось, перевернулось с ног на голову, и весь квадрат мироздания, казалось, вздрогнул и затрепал. Это случилось, когда Шезра встретил *темного ийлура*.

В тот вечер... Он, жрец второй ступени, точно так же спускался в зал Жертв, чтобы, проскользнув мимо алтарей, войти в *Хранилище* и выбрать тех, чья кровь этой ночью прольется на ладони Шейниры.

Храм пребывал в силе, и по всему Эртинойсу разъезжали стражи в поисках тех, над кем уже простерлась длань богини. Ну, а попадая в руки стражей, ийлур, элеан или кэльчу отправлялся либо в зал Жертв, либо в ряды самих стражей. Непосвященному могло показаться безумием – доверять детям чужих богов, но издревле Верховный жрец мог наложить на любое разумное существо печать Шейниры, уродуя лицо будущего стража образом третьего глаза богини. Потом, по прошествии времени, эти смертные забывали свой дом, свой народ, своего бога-покровителя и были готовы служить Шейнире до конца жизни.

Шезра в сопровождении двух посвященных направлялся в Хранилище. Все было как обычно: вот он отпер замок, вот молоденький синх кинулся отворять дверь перед метке Шезрой... Дальше начинался огромный высокий зал, уставленный клетками. В ноздри ударило ставшее уже привычным зловоние, неистребимый в этом месте запах испражнений. По клеткам сидело несколько ийлуков, два кэльчу и элеан; последний, скорее всего, давно лишился рассудка, потому как при виде синхов начал биться головой о решетку, выкрикивая бессвязные проклятия. Шезру проклятия не тревожили. Да и как можно проклясть того, чья душа считается проклятой изначально?

Пожав плечами, он прошел мимо беснующегося элеана и приблизился к сбившимся в кучу ийлукам. Посвященный скользнул вперед, махнул факелом перед решеткой, заставляя обреченных отпрянуть. Шезра быстро оглядел будущих жертв: истощены до крайности, в глазах – отчаяние, ужас перед неотвратимой гибелью... Не ийлуры, стадо баранов в загоне мясника.

«А что, если *она* останется недовольна такими жертвами?»

Шезра рассеяно поскреб чешую на подбородке и подумал, что будущих жертв надо хотя бы кормить. А то и поить настойкой из листьев золотых роз – она туманила рассудок живыми видениями и заставляла почувствовать себя счастливым.

Взгляд Шезры остановился на ийлуке, что сидел в углу клетки, вытянув ноги. Этот не выглядел перепуганным, хотя мог оказаться попросту утратившим ясность ума...

– Вот этого. Покажите-ка мне его поближе, – сказал он посвященным.

Те вмиг оказались внутри клетки (ийлуры при этом дружно кинулись к стенке, даже от больных гниломесом так не шарахаются), схватили приглянувшегося Шезре мужчину и выволокли его в коридор.

Шезра удовлетворенно кивнул. Похоже, этого привезли недавно, он не выглядел ни больным, ни особо испуганным. В темных глазах блестело осторожное любопытство.

– Возрадуйся, – сказал Шезра намеченной жертве, – ибо кровь твоя станет услугой нашей великой матери.

И тут произошло то, чего жрец Шейниры второй ступени ожидал менее всего. Он не удивился бы, брось ийлур в лицо самые страшные проклятия. Даже глазом бы не моргнул, повались этот здоровяк в ноги с мольбами о пощаде. Но вместо этого ийлур хмыкнул. Презрительно. Насмешливо. Словно Шезра сказал не ритуальную фразу, а глупость из тех, какие порой изрекают только что прошедшие посвящение и при этом считают неоспоримой истиной.

– Тебя помогут и приготовят к церемонии, – продолжил синх, внимательно разглядывая жертву и пытаясь обнаружить на мятом и заросшем бородой лице хотя бы тень страха.

Страх не было – только наглая ухмылка.

– Разве то, что я говорю, не достигает твоего разума, презренный? – озадаченно спросил Шезра.

Ийлур сплюнул на грязный пол, в упор взглянул на жреца.

– Дурачье. Вы все – сплошь дурачье. Думаете, что самые одаренные? Что только вам дано убивать молитвой?

Посвященные в замешательстве переглянулись. Да и сам Шезра несколько мгновений не знал, что сказать в ответ. А потом, когда нужные, язвительные слова нашлись-таки, стало уже не до разговоров – ибо ийлур... Да, этот грязный ийлур, порожденный Фэнтаром, обратился с молитвой к самой Шейнире.

– Что?!! Что такое?..

Ийлур рассмеялся. Его руки взметнулись вверх, словно вздымая с пола мутную пелену, частички несуществующего пепла...

– И приношу их в жертву! – хрипло выкрикнул пленник.

«Да она же ответила ему», – успел подумать Шезра, и через мгновение услышал вопль посвященного. «Покрывало Шейниры» окутало худое, ломкое тело молодого синха; мириады частиц впились в плоть, высушивая, выпивая жизнь, отдавая все тепло и влагу самой богине. А синх кричал и кричал, и вопль, многократно отражаясь от высоких сводов, впивался когтями мигрени в голову, отдавался в судорожно сжимающихся сердцах.

Шезра попятился, поскользнулся и едва не упал, но успел схватиться за прут пустующей клетки. То, что происходило, не укладывалось в его голове, казалось иллюзией, прихотью богини... Но нет. Тело второго посвященного дернулось, кажется, он пытался бежать – и очутилось в темном коконе.

«Как же так?!! Почему?!!»

Но на раздумья времени не осталось. Ийлур сделал шаг вперед, на бледном лице блуждала все та же наглая ухмылка. Он шагнул – Покрывало Шейниры покатило в сторону Шезры.

На своем пути оно задело притихшего было элеана, и тот упал сухой куколкой на покрытый нечистотами пол клетки.

«Ты... как же ты могла дать Силу нашему врагу?!!»

Шезра открылся Шейнире, протягивая к ней руки, моля дать силу...

Она ответила, милостиво наполняя все существо синха темной злостью и жаждой увидеть ийлур лежачим на алтаре, выпотрошенным и обескровленным.

Две пелены столкнулись, судорога скрутила каждый мускул... А ийлур, глухо вскрикнув, упал.

– Благодарю тебя, – шепнул синх.

Все-таки он, истинное дитя своей Темной матери, был сильнее.

Синх метнулся к поверженному врагу, нащупывая жертвенный кинжал.

Но оружие не понадобилось: ийлур навзничь лежал на скользких каменных плитах, изо рта, пузырясь, текла кровь. Шезра схватил его голову, заставил смотреть себе в глаза.

– Говори! Как?!!

Губы умирающего дернулись и растянулись в подобии улыбки.

– Говори!!! – заорал Шезра, уже не замечая, что его когти прорвали тонкую кожу так и не принесенного в жертву пленника, и что по рукам сочатся горячие капли.

– Мы... свободны... выбор...

Он долго не мог понять этих последних слов ийлур, посмеявшегося воззвать к Шейнире. Но однажды, когда закончилось в хрустальном графине вино, а в склянке – настойка из лепестков золотой розы, ответ пришел сам по себе. Если ийлур смог обратиться к Шейнире, и та его услышала, значит, ийлур не принадлежат Фэнтару до такой степени, как об этом

говорят и пишут. А что, если и в самом деле – не смертные принадлежат богам, а наоборот? Бог-покровитель есть сознательный выбор смертной твари?!!

Мысль эта прочно увязла в слоях сознания, пропитанного настойкой. И Шезра, не желая удаляться от Истины, той же ночью воззвал к Фэнтару. Воззвал – и ощутил его свет и его силу. Они были совсем другими, не похожими на то, что давала Шейнира; и ведь не зря ее прозывали темной... Шезра очутился пред ликом чужого бога, пред ликом грозным, беспощадным, но – светлым, где не было места ни коварству, ни предательству, ни подлости. Ничего того, что обычно поощрялось Шейнирой. И сила чужого бога была так велика, что... очнулся Шезра другим.

Он слабо помнил, что именно хотел от него Фэнтар. Он чувствовал себя больным и беспомощным, но – странно чистым, словно и не омывала кровь жертв его руки. Шезра тогда добрался до своего стола и на клочке пергамента нацарапал:

«Мы те – кем хотим быть. И мы свободны. Душа смертного чиста от рождения, и каждый волен следовать избранным путем».

А Ожерелье Проклятых душ, что блестит тысячами рубинов на груди Темной Матери... Оно теперь казалось вовсе не тем, чем было раньше для всех синхов Эртинойса.

* * *

Он спустился в зал Жертв. Постоял под аркой входа, стараясь унять неистово колотящиеся сердца и прислушиваясь – а нет ли кого?

Зал Жертв был пуст. Совершенно.

«Наверное, глупо было ожидать, что я здесь кого-нибудь встречу».

Шезра мысленно обозвал себя выжившей из ума старой ящерицей.

Огонек лампы метался на сквозняке, пришлось прикрывать его рукой. А затем, решившись, синх начал медленно обходить алтари, перешагивая желобки, по которым раньше кровь стекала в колодец.

Он останавливался у каждой глыбы малахита, отесанной в форме треугольной призмы, ставил лампу и, протягивая над алтарем руки, пытался понять, на месте ли светлые руны Фэнтар. На самом деле это было довольно просто: от начертанных под алтарями знаков исходило живое тепло, в то время как от знаков Шейниры веяло холодом.

Шезра проверил шесть алтарей, а на седьмом вдруг ощутил ледяное дуновение на пальцах. Пришлось отставить лампу подальше, вознести молитву Фэнтару и, впитав силу светлого бога, сдвинуть алтарь с места. Там же... Синх поймал себя на том, что зубы начали выстукивать мелкую дробь. Один штрих руны был тщательно стерт. Словно неведомый шутник прошелся тряпочкой и вытер часть нарисованного на полу знака.

Она просыпалась. Пребывая в гневе и желая вырваться на волю, любым путем. Добраться до Эртинойса, погрузить костлявые руки в россыпь чистых душ – и не только синхов, а всех, всех...

– Будь ты проклята, – пробормотал Шезра, – будь ты... но я так легко не сдамся.

И, достав из кармана альсуны мел, он старательно дорисовал недостающий фрагмент. Холодное дыхание на ладонях пропало, сменилось уже столь знакомым теплом Фэнтар.

«Она кого-то нашла, нового Избранного», – думал синх, задвигая алтарь на место, – «но кого? И где? Я ведь... не должен допустить, чтобы он вернул все на прежнее место».

Шезра обошел и зал Жертв, и Хранилище. Он не нашел более ничего, что могло бы указывать на близкое освобождение Шейниры, и все же... Сердца беспокойно сжимались в груди.

«Она возвращается», – мрачно думал Отступник, – «и она нашла того, кто вернет ей трон, и обманом заставит его сделать все возможное и невозможное. Это как крошечная трещинка в плотине; сперва сочатся капли, потом – ручей, и в конце...»

Впрочем, о том, что может быть «в конце», Шезра старался не думать. Он вернулся в свои покои и, не дожидаясь рассвета, начал собираться в дорогу – облачился в ни разу не одетую альсуню, набил дорожную сумку сушеными ящерицами. Не самая лучшая, конечно же, пища – но какой живности может наловить старик в Диких землях?

К поясу Шезра привязал увесистый мешочек с золотым песком и небольшую, шитую из шкуры щера, сумочку. Последняя представляла особую ценность: немало золота можно собрать на просторах Эртинейса, но уже нигде и никогда не найти настойки из золотых роз, *делающей смертного счастливым*. Розы исчезли с лица мира много лет тому назад, а потому одна унция настойки продавалась за тридцать унций столь ценимого всеми желтого металла.

Тут Шезра усмехнулся; в голове теснились воспоминания – о том, как нет-нет, да пытались отчаянные головы пробраться в заброшенный Храм в поисках запасов драгоценного зелья или, на худой конец, хранилища роз. Таковые, разумеется, имелись. Глубоко в подвалах ждали своего часа пузатые колбы из тонкого стекла, полные светло-золотистой жидкости, а еще глубже, там, где даже летом не тает лед, в громадных закупоренных амфорах хранились высушенные золотые цветки. Но ни один из пришедших в Храм так и не добрался до заветных подземелий – равно как и не покинул кольца малахитовых стен. Те, кто строили Храм, знали толк в ловушках.

Экипировавшись, Шезра спустился во двор храма, туда, где были построены щерни. Здесь в гордом одиночестве доживал свой век щер по кличке Яс, такой же старый, как и его хозяин. Шезра изо всех сил старался кормить Яса досыта, варил котлы каши из дикого проса, подбрасывал туда и лягушек, и ящериц, и даже крыс. Но, видать, такая диета совершенно не шла зверю на пользу: чешуя потускнела, зубы желтели и крошились... Хотя, возможно, дело было вовсе не в рационе, а в простой и неизбежной старости.

Щер высунул из стойла большую морду и безо всякого интереса поглядел на хозяина.

– Яс, Ясик, – синх погладил его по лбу, с неудовольствием отметил, что коричневая чешуя начала шелушиться, – посмотри, что я тебе принес.

И, торопливо сунув руку в карман, выудил оттуда самую жирную сушеную ящерицу. Яс понюхал недоверчиво, укоризненно взглянул на синха, словно хотел сказать – на кой мне твои сушки? Ты бы лучше мяса дал, простого и свежего. Но потом, словно осознав всю безнадежность своего положения, слизнул шершавым языком угощение и проглотил.

Шезра тем временем уже снимал с гвоздя уздечку.

Синху потребовалось еще немало времени, чтобы заставить по-стариковски упрямого щера взять в рот удила. Яс упрямо отворачивался, а Шезра, подпрыгивая, все пытался добраться до чешуйчатой морды. Отчаявшись, синх все-таки урезонил щера, сунув тому еще одну ящерицу, после чего с трудом забрался на спину взнузданного Яса и выехал из щерни.

...Удалившись от храма на полет стрелы, Шезра обернулся. Храм Шейниры темно-зеленой громадой подпирал светлеющее небо, и черные глазницы бойниц подозрительно щурились на розовую зарю.

Храм стоял посреди огромной пустоши, где ни единого ростка не проклюнулось из серой, словно присыпанной пеплом земли. Раньше здесь была долина Золотых роз, но эти цветы ушли вместе с властью Шейниры, а замены им не нашлось.

– Пошел, пошел, – отчего-то разозлившись, Шезра стегнул по крупу щера. Яс возмущенно рыкнул и потрусил дальше, прочь от родной щерни, от котлов с кашей. Он начинал понимать, что хозяину взбрела в голову очередная блажь, и что блажь эта скорее всего отольется старенькому Ясу в полной мере. В основном, в виде ноющих лап и натертой седлом спины.

* * *

Шезра достиг цели своего путешествия к вечеру третьего дня.

Над Дикими землями собиралась гроза, закат полностью затянуло темными, неповоротливыми тучами. И – было душно. Очень. Даже привычный Шезра то и дело хватался за судорожно колотящиеся сердца, начинал дышать глубоко-глубоко, хватая ртом воздух. А затем небо тяжко нависло над лесом, упали первые капли дождя – тяжелые и теплые, так и не разорвавшие кокон духоты. Порыв ветра прошелестел в кронах, затих, словно прислушиваясь к лесным голосам... и на Дикие земли низринулись потоки воды, гонимые ураганым ветром.

Как раньше говаривали синхи, не повезет тому, кто попадет в грозу в сердце Диких земель.

Впрочем, к этому времени Шезра успел привязать щера под добротным навесом, проковылять, растирая затекшую поясницу, по выложенной булыжниками дорожке и нырнуть в темный зев пещеры.

Навстречу ему рванулся чей-то размытый силуэт, замер на расстоянии каких-нибудь пяти шагов – и тут же исчез во мраке. Шезра только пожал плечами: хороши же стражи, с трудом узнающие хозяйских приятелей. Он неторопливо пошел дальше, отсчитывая нужное количество шагов, затем повернул направо и, упершись в стену, нащупал нужный рычаг.

Каменный блок размером с хорошего щера заскрипел, начал двигаться в сторону; Шезра прищурился на яркий свет факелов и коротко поклонился.

– Доброй тебе охоты, Мен-Рой.

– И тебе того же, – ответил хозяин пещеры, – что привело тебя сюда, метхе Шезра?

– У меня есть к тебе важное дело, – синх похлопал по заветной сумке с настойкой.

– А, вот как, – губы Мен-Роя сложились в некое подобие улыбки, – проходи, метхе Шезра. Поговорим.

И, круто развернувшись на каблуках, он пошел обратно, нимало не заботясь о том, идет ли за ним гость или нет.

Вздыхнув, Шезра засеменил следом, рассматривая деревянные украшения в длинной косе ийлура по имени Мен-Рой.

...Они знали друг друга Дракон ведает сколько лет. Мен-Рой в свое время прославился тем, что прилюдно оскорбил владыку Северного Берега, был закован в цепи и отправлен в каменоломни. Что, в общем-то, было ничуть не милосердней смертной казни: меч рубит голову быстро, штольня убивает медленно, заставляя выхаркивать куски собственных легких. Неведомо как, но Мен-Рой ухитрился бежать, вдоволь поклонился по Эртинойсу, пока, наконец, не пришел в Дикие земли. К тому времени синхи покинули города, считая, что, раз уж Шейнира не отвечает на их молитвы – значит, жилища прокляты и надо искать новые места для поселения. Кое-кто остался, но тем уже было не до пришлых – тут бы самим уцелеть... И Мен-Рой остался жить в джунглях вместе с теми, кто последовал за ним от самых каменоломен и делил невзгоды последних лет.

С Шезрой этого ийлура свела самая обычная костяная лихорадка. Все получилось донельзя просто: однажды утром одинокий синх обнаружил у ворот Храма пожилого кэльчу, чьи костяные пластины на голове были белы, как снег на вершинах Сумеречного хребта. Событие это казалось из ряда вон выходящим: кэльчу не пытался пробраться в Храм, чтобы пограбить; он просто колотил в ворота боевым молотом и вопил, что хочет поговорить с каким-нибудь, побери его Шейнира, жрецом. Шезра слегка удивился и вышел, а кэльчу бухнулся ему в ноги и стал умолять спасти *их предводителя, которого проклятый недуг слишком быстро уводит из Эртинойса.*

Тогда... синх успел. Считай, к последнему вздоху умирающего, члены которого уже окостенели и не гнулись, откуда и пошло название болезни. Но лекарство, прихваченное в кладовой Храма, подействовало, и Мен-Рой поднялся на ноги. Исхудавший, похожий на скелет, но живой.

– Прошу тебя, садись, – ийлур указал жестом на добротное кресло, в котором, наверное, уместилось бы целых три синха.

Сам он с размаху плюхнулся в свободное, а Шезре показалось, что ийлур вмиг заполнил собой все свободное пространство небольшого грота. Не удержавшись, он внимательно рассмотрел Мен-Роя и пришел к выводу, что старость на цыпочках подбирается и к этому крепышу.

Мен-Рой изменился со времени их последней встречи: прибавилось морщин и шрамов. Да и шурился ийлур постоянно, было видно, что острота зрения уходит, утекает вместе с прожитыми годами. Правда, белоснежная борода все также была заплетена в две недлинные косички – хоть смейся, хоть плачь... Именно так заплетали бороду при дворе владыки Северного Берега.

– Ты проделал долгий путь, метхе Шезра, – негромко произнес ийлур, – я приказал подать хороший обед... Но, может быть, ты сразу скажешь, что тебя привело в мое скромное жилище?

Синх с наслаждением потянулся в кресле: оно было таким большим, удобным и обитым шкурами барсов, и так приятно грело старческое тело... Ему захотелось закрыть глаза и вздремнуть – просто так, не заботясь ни о чем, ни о пробуждающейся Шейнире, ни о том, кто мог привести ее к победе... Шезра вздохнул.

– Моя богиня возвращается.

– Да ну? – Мен-Рой даже не шевельнулся, застыл каменной глыбой, – неужели ты, старый метхе, удивлен? Ведь ты-то должен понимать, что когда-нибудь это бы все равно случилось. Она – твоя мать, богиня. А ты – простой смертный, хоть и...

– Хоть и Отступник? – Шезра поежился, – да, да, я все понимаю. И я, пожалуй, ожидал этого часа, но надеялся... Я прошу помощи, Мен-Рой.

Ийлур задумчиво почесал подбородок, прищурился на потрескивающий факел.

– И что ты собираешься предпринять, метхе Шезра?

Синх решительно мотнул головой.

– Я... знаешь, Мен-Рой, я вот думал... Избранника Шейниры нужно остановить...

Он хотел было добавить, что любыми средствами, но запнулся. Ийлур широко улыбался, демонстрируя белые и здоровые зубы.

– Тебе бы следовало отправиться ко двору владыки с дипломатической миссией, метхе. Отчего бы сразу не сказать, что Избранного следует убить, просто и незамысловато?

– Ээ...

– Не нужно никаких пояснений, – Мен-Рой махнул рукой, жарко сверкнули перстни, – я прекрасно понял тебя, метхе Шезра, и не осуждаю. Порой нужно жертвовать... Вообще-то – всегда нужно чем-то жертвовать. Но ответь мне, уважаемый, на один вопрос – каким образом ты собираешься указать моим ребятам на того, чью голову ты хочешь?

Шезра подобрался в кресле. Уж об этом-то он думал. Подолгу и не раз, пока ехал на Ясе, отбивая седалищную часть тела.

– У тебя есть элеаны? – спросил синх и, получив утвердительный кивок, продолжил, – у меня не получается воззвать к Сумеречному Отцу так, чтобы он ответил. Но я знаю, что элеаны... Могут позволить увидеть те ответы, которые дает Санаул. Я читал об этих ритуалах, неприятная, конечно, штука, но я хорошо заплачу.

– То есть ты уже придумал, как обнаружить этого молодца, – уточнил Мен-Рой, – ну и замечательно. Считай, что зеленая голова уже у тебя...

– Не думай, что мне это в радость.

– Я понимаю. Не в радость, но – необходимость. Вернее, это ты считаешь, что необходимость. А что бы сказали твои соплеменники?

– Мен-Рой!

– Ладно, ладно... – он примирительно поднял руки, – твои отношения с Шейнирой меня не касаются...

Ийлур замолчал и принялся задумчиво теребить бороду. Затем, шурясь, поглядел на синха.

– Есть у меня тут один элеан, – пробормотал он, – недавно к нам прибился... Спрашивал – откуда – клянется, что повздорил со своим кланом в горах... Может, правда, а может и лжет птичка... Но парень вроде боевой, тебе как раз такой и нужен.

– Скажи ему, что хорошо заплачу, – торопливо сказал Шезра, – и ему, и тебе.

– Мне не нужно.

Мен-Рой легко поднялся, прошелся по гроту мимо синха.

– Пожалуй, теперь можно и пообедать. Как ты думаешь, метхе Шезра?

* * *

Шезра с грустью понял, что совершенно отвык от нормальной пищи. И желудок его, привыкнув к ящерицам, с трудом переваривал кусок окорока водяного кабана и кисленькое вино, которое Мен-Рой самолично готовил из растущего повсюду дикого винограда. Лепешки из проса, размоченного в козьем молоке, показались синху пищей богов, а нежнейшая козлятина, тушенная в горшочке с кореньями – совершенством, недостижимым даже для Правящих. Для богов-покровителей, то есть...

И вот он снова очутился в мягком кресле, и Мен-Рой, совсем, как мамаша свое дитя, укутал синха мягким одеялом из козьей шерсти.

– Тарнэ сейчас придет, – сказал он, – мы отрываем его от важной медитации... Он как раз испрашивал у своего бога, какой дорогой пойдет большой караван из Гвенимара на север. Богатый, должно быть, караван...

Шезра хмыкнул и в который раз подумал о том, что поступил правильно, вытянув этого ийлура из замогильной бездны.

– Только ты уж не скупись, – добавил Мен-Рой, – сам знаешь, синхам не очень-то доверяют.

И это было слишком мягко сказано. На самом деле синхов ненавидели ийлур, едва терпели элеаны и боялись маленькие кэльчу. А все потому, что тело синха изначально считалось приютом проклятой души, которую в мертвую плоть вложил не кто-нибудь, а Шейнира Темная.

Шезра сонно кивнул, заранее соглашаясь со всем, что скажет ийлур, который был ему обязан жизнью. Пища переваливалась в животе увесистым комом, и тут уж приходилось больше думать о том, чтобы своенравный желудок не вздумал вывернуть съеденное обратно.

– Мен-Рой, – прошептал он, – пусть Ясу поест дадут. Старый он уже стал, как и я.

– Уже дали... Не беспокойся, метхе Шезра, здесь тебя и твоего щера никто не посмеет обидеть.

И, повернувшись на звук шагов, ийлур громко сказал:

– А вот и Тарнэ. Проходи, проходи. Есть тут заказчик один, мой старый приятель. Озолотишься.

Шезра с интересом воззрился на вошедшего и едва сдержал разочарованный вздох.

Элеан по имени Тарнэ был немолод. Длинные седые волосы, зачесанные назад, у виска – тонка косица с подвеской из ярко-синего камешка, наверное, из лазурита. Лицо узкое, изре-

занное шрамами и морщинами, темное от загара. И на фоне смуглой кожи аметистовые глаза кажутся слишком светлыми. Вот и все. Самый обычный элеан, выдавший жизнь, кажущийся слишком хрупким и слабым рядом с огромным Мен-Роем... Ну да все они мельче ийлугов, иначе и не взлетели бы на кожистых своих крыльях...

Тарнэ, в свою очередь, с любопытством рассматривал закутанного в одеяло синха и перебирал тонкими пальцами рукоять сабли. Затем, придя к каким-то своим умозаключениям, повернулся и посмотрел на Мен-Роя.

– Что я должен сделать для почтенного заказчика?

Ийгур кивнул синху.

– Пусть метхе сам объяснит, что ему нужно.

И Шезра принялся излагать суть предстоящего дела. Объяснял долго и обстоятельно, элеан внимательно слушал, склонив голову набок. Затем, когда синх умолк, поскреб щетину на подбородке.

– Сложно...

– Я хорошо плачу, – Шезра вдруг подумал, что должен любым путем уговорить этого элеана, потому как других шансов может и не быть, – отдельно за ритуал познания...

– Мы называем это *Ie'r de T'old*, Взгляд в Темный кристалл.

– Отдельно за взгляд в темный кристалл, отдельно за голову синха.

Шезре вдруг померещилось, что тонкие, с изломом, брови элеана презрительно поднялись – совсем чуть-чуть.

«Ну да, да... Некрасиво... Синх нанимает элеана, чтобы убить другого синха. Но что мне остается делать?!»

– Вот, – Шезра отстегнул от пояса сумку с настойкой, – полагаю, этого достаточно...

– Я вряд ли смогу сделать так, чтобы Санаул и тебе показал просимое, – глухо промолвил элеан, – этот ритуал.... Он слишком... Как бы объяснить... слишком близок мне и моему богу.

Синх только руками развел.

– Но как же я тогда узнаю, того ли синха ты убьешь?

Элеан натянуто улыбнулся.

– Слово наемника, метхе. Разве этого мало?

– Мне бы хотелось самому увидеть лицо *Избранного*, – проворчал Шезра. Слово словом, но он предпочитал сам увидеть врага, чтобы потом не терзаться сомнениями.

– Тогда удваивай плату, – спокойно, взвешивая каждое слово, произнес элеан.

– Хорошо, – Шезра подумал, что Храм не обеднеет, если отдать Тарнэ не шесть склянок настойки, а все двенадцать.

– По рукам, – элеан кивнул, – и не будем медлить. Я начинаю готовиться к ритуалу, метхе Шезра, а ты... Я уже понял, кто ты такой, и не буду судить... Но хотя бы попытайся вознести молитву нашему Сумеречному отцу. Это необходимо для того, чтобы приобщиться к моему Взгляду.

* * *

– ... Думаешь, он правда сможет устроить так, чтобы и я увидел?

Шезра едва поспевал за размашисто шагающим Мен-Роем. Шли они уже долго, по темному и сырому коридору, полого ведущему куда-то вниз.

– Молитвы Тарнэ сильны, – ийгур пожал широченными плечами, – у меня нет причин не верить... Нас он еще ни разу не подводил. Ведь для тебя, метхе Шезра, не будет новостью, если я скажу, что мы порой... Гм...

– Нападаете на караваны? – синх покачал головой, – нет, что ты, Мен-Рой. Да и мне ли осуждать? Это ведь твоя жизнь, тебе решать, по какому пути следовать.

Мен-Рой пропустил последнюю реплику мимо ушей.

– Ну так вот, Тарнэ всегда приводил нас к богатым караванам, и всегда указывал точное расположение сопровождающих воинов. Думаю, Сумеречный Отец благоволит к этому сыну гор. Считаю, что тебе повезло, метхе. Где бы ты еще нашел элеана, который за дюжину склянок настойки согласился бы для тебя провести ритуал?

Шезра покорно кивнул. К чему возражать и злить Мен-Роя? Такого элеана и вправду было бы сложно найти...

– Тарнэ – истинный сын своего народа, – вдруг обронил ийлуру, – я не верю до конца в его историю, но если уж элеан берется за что-то – обязательно сделает. Да так, что обзавидуешься.

– Угу. – Шезра неловко поскользнулся и едва не упал, уцепившись за мощный локоть ийлура.

– А мы уже пришли, – тот остановился и с улыбкой поглядел на Шезру. Сверху вниз. – Гляди, метхе. Такого ты еще не видел.

Синх выпрямился, озираясь, и понял, что напрочь потерял способность говорить. Потому что увиденное им, пожалуй, могло тягаться в величии даже с жертвоприношениями в зале Жертв.

Коридор, по которому Шезра и Мен-Рой шагали все это время, резко обрывался, раскрываясь в небольшой грот почти идеальной овальной формы. Все здесь было белым – стены, потолок, жала сталактитов... А на гладком полу сияла, разгоняя мрак, огромная звезда о семи лучах, составленная из сотен свечей.

Тарнэ уже был там. Он сидел в центре звезды, на пяточке свободного пространства, сидел неподвижно, скрестив ноги и положив руки на колени. Глаза его были закрыты, голова склонилась на грудь.

Мен-Рой откашлялся.

– Тарнэ! Мы пришли.

Бас ийлура прокатился по гроту, элеан вздрогнул и открыл глаза.

– Пусть синх подойдет ко мне, – прошелестел он, – осторожно, чтобы не погасить ни одной свечи. Иначе все придется начинать заново.

Шезра переглянулся с Мен-Роем, но тот лишь пожал плечами.

– Хорошо, я иду.

Он приблизился к звезде, подобрал подол альсунеи.

– Осторожно, метхе, – аметистовые глаза элеана внимательно наблюдали за каждым его движением, – прошу тебя...

Но Шезра приподнялся на цыпочки, затем сделал широкий шаг. И, представив себе, какое жалкое зрелище представляет, раскорячившись над горящими свечами, неловко превалился на отставленную ногу.

– Садись напротив меня, – тихо сказал Тарнэ.

Он снял с шеи мешочек на кожаном ремешке, выложил на пол перед собой маленькую чашу, выточенную из кости и дымчатый кристалл горного хрусталя. Шезра молча наблюдал, и вдруг поймал себя на том, что не может отвести взгляда от татуировки на плече элеана. Был это чешуйчатый хвост, похожий на змеиный. Слишком похожий...

Но что представлял собой весь рисунок, метхе Шезра так и не узнал, потому как элеан был в безрукавке. Синху захотелось спросить об этом, но он вовремя прикусил язык. Сперва – дело. Все остальное – после.

Тем временем Тарнэ извлек на свет еще один предмет, и синх поежился при виде ритуального ножа. Слишком много раз приходилось ему держать в руках Оружие Для Богов, и слишком часто принимал он последний вздох жертвы...

Элеан хмуро посмотрел на синха, но ничего не сказал. Сделал продольный надрез на руке, вскрыв вену; темная, почти черная кровь вялой струйкой потекла в чашу.

– Прими мою жертву, Сумеречный отец, и яви свою милость, – прошептал Тарнэ.

Чаша наполнилась до краев.

Элеан закрыл глаза, губы его беззвучно шевелились.

– Ты тоже должен воззвать к Санаулу, – с трудом расслышал синх, – он услышит твой голос, но ответит ли?

Шезра на миг прикрыл глаза. Санаул, Санаул... Сумеречный отец всех элеанов. Тот, чье чело навеки венчает темный алмаз, и в каждой грани драгоценности – провидение.

Он попытался представить себе бога – огромного, белокожего, с распахнутыми кожистыми крыльями... Ну и, конечно же, не забыть камень, вросший в широкий лоб, игру света в мириадах граней, бесконечную глубину вечерних сумерек, разделивших день и ночь...

– Молись! – приказал беззвучно элеан. – молись Ему. Проси о милости.

В следующий миг он сделал еще один надрез, уже на другой руке. И снова кровь частыми каплями потекла в чашу, которая... Которая отчего-то была совершенно пуста.

– Смиренно прошу тебя ответить, – одними губами сказал Шезра, стараясь не утратить видение Бога, – я, Отступник, прошу снизойти и явить нам...

– Еще, – потребовал элеан. На лбу его выступили крупные капли пота, руки тряслись, и ритуальный нож плясал в беспокойных пальцах.

Шезре показалось, что из чаши поднимается тонкая струйка дыма. А кровь – она словно впитывалась в костяные стенки ритуального сосуда.

«Я пожертвую тебе так много, как ты захочешь», – подумал синх, – «я знаю, что чужие боги не дают ничего просто так. Я отдам тебе... Душу избранника Шейниры и разрушу храм Претемной Матери».

– Добро, – прохрипел элеан, – хорошо... Теперь смотри...

Аметистовые глаза подкатились, дыхание пресеклось – и Тарнэ простерся на полу, содрогаясь в конвульсиях. Но перед тем, как потерять сознание, он все-таки успел схватить Шезру за руку, и синх увидел...

Молодого соплеменника в драной альсунее. Он пробирался по заснеженному северному лесу, собирая хворост, и Шезра откуда-то знал, где именно находится этот молоденький синх. Всего лишь на миг лицо Избранного Шейнирой оказалось совсем близко, каждая полоска, каждая чешийка впечатались в память.

«Элхадж. Меня зовут Элхадж».

И заснеженный лес начал кружиться, все быстрее и быстрее, смазывая нового Избранного в темное, бесформенное пятно.

...Шезра открыл глаза. Над ним нависал обеспокоенный Мен-Рой.

– Проклятье Шейниры, метхе! что это вы тут устроили?

– Тарнэ? – синх буквально подскочил, – что с ним?

– Мы его унесли. Совсем ему худо, – ийлур мрачно сплюнул на пол, – ох, до чего же я не люблю все эти ритуалы!

– Но ведь он... не откажется? – синх, кряхтя, начал подниматься. Звезда погасла, только кое-где еще теплились огоньки.

– Он тут все бормотал, что уже пол-дела сделано, – Мен-Рой покосился на оставленную чашку и кристалл, – что это, а, Шезра?

– Это принадлежит Тарнэ.

Синх осторожно поднял вещицы; на ощупь они оказались горячими.

– Надо их ему отдать, – сказал Шезра, – и еще... спасибо тебе, Мен-Рой.

– Потом благодарить будешь.

Ийлур осматривался, почему-то нюхая воздух.

– И какой это пакостью тут воняет, а? Кошек вы тут часом не жгли, а?

Шезра только пожал плечами. Ему-то откуда знать? Собственно, упомянутых кошек и взять-то было неоткуда; Мен-Рой, похоже, приплел их по старой памяти – маленькие одомашенные хищники жили в ийлурских селениях на севере.

Что до общего положения дел – Тарнэ на деле казался парнем надежным, а главное – весьма одаренным. И это зажгло искру надежды в душе старого синха. Может быть, и на этот раз план Шейниры потерпит крах?

Глава 2

Элхадж. Начало пути

– Храм потерял силу, храм опустел... – прошепелявил старый синх. Зубы свои он утратил полвека назад, говорил весьма неразборчиво, но молодняк привык – а потому никто не переспрашивал.

За глиняными стенами гнезда подвывала буря, бросая в оконце пригоршни тяжелого, колючего снега; метался огонь в очаге, то припадая к поленьям, то подскакивая к закопченному дну котелка. Последний попыхивал жидкой кашей, где жир гостил исключительно по праздникам. Например, в день Создания первого синха, который приходился на первое новолуние после летнего солнцестояния...

– Храм утратил силу и опустел, – повторил старик, почесывая чешую на затылке, – когда Храм Шейниры будет разрушен, не останется и синхов. Всех перебьют, а те, кому удастся спрятаться, вымрут от голода и болезней.

Элхадж поежился под тощим одеялом. Пророчества старика изрядно надоели за последние десять лет, но приходилось терпеть. Да и выгонишь ли его, последнего из тех, кто бился с ийлурами в час Плакучей Ивы? Последнего, кто еще помнил былое величие синхов и умел возносить молитвы Шейнире?

– Наш народ отжил свое, – просипел старик и тут же задремал, уронив голову на грудь.

В окно плеснуло белой снежной волной, и огонь в очаге испуганно прижался к красным уголькам.

Элхадж тоже закрыл глаза, но заснуть не удавалось. Рядом сопел и ворочался маленький синх, недавно вылупившийся из яйца; он смешно дергал во сне ногами, пиная при этом сидящего рядом Элхаджа. С другой стороны шушукались две юные синхи, время от времени хихикая в кулак и стреляя глазками в сторону собравшихся мужчин. К слову, глаза у них были просто замечательными – ярко-желтыми, светящимися в полумраке. Да и рисунок на чешуе тоже казался привлекательным, кокетливыми полосками забирался на щеки, ложился плавными линиями у внешних уголков рта.

«Хорошие синхи», – мрачно подумал Элхадж, – «жаль только, что не жить хорошо их детям... С каждым годом все труднее и труднее, и когда-нибудь нас просто поймают и убьют. Или же будут возить по ярмаркам и показывать за деньги толпе».

Он тоскливо поглядел на дремлющего старика. Затем на маленькое, забитое колючим снегом окошко. И снова на старика.

«Храм потерял силу», – Элхадж хмуро пожал плечами, – «и что с того? Можно подумать, будто мы зависим от Храма! Старый просто выжил из ума, не иначе».

Но все-таки выбрался из-под одеяла и, ежась на сквозняке, подобрался к старцу.

– Метхе Саон... Почему ты говоришь, что Храм Шейниры утратил былую силу, и оттого мы живем все хуже и хуже?

Старик вздрогнул, но не проснулся. Элхадж осторожно прикоснулся к тощему плечу, легонько встряхнул.

– Метхе Саон.

– А?... Что стряслось? Кто это?

Старик заморгал кровавыми глазками, непонимающе уставился на Элхаджа. Затем улыбнулся беззубым ртом.

– Ох, это ты... Что тебе?

– Я только хотел узнать, отчего ты говоришь о том, что Храм теряет силу и это отражается на всех нас, – Элхадж почтительно сложил руки перед грудью, между двумя сердцами.

Саон глубокомысленно почесался, заглянул в котелок, словно надеясь увидеть там кусок мяса.

– Все так и есть, Элхадж. Храм – это то, что связывает нас с Шейнирой. Когда храм теряет силу, наши молитвы не достигают ее божественного слуха, и она перестает являть врагам нашим свою мощь. Что тут непонятного?

– Но, метхе Саон... Отчего тогда теряет силу Храм?

Старый синх пожевал губами и еще раз заглянул в котелок – уже с немалой долей раздражения во взгляде.

– Оттого, что во главе Храма стоит синх, который отвернулся от Шейниры. Или тот, чья вера слишком слаба... или же он просто не может так вознести молитву, чтобы она ответила. Причин может быть много, Элхадж. Но что мы можем сделать?

Элхадж задумался. Получалось так, что сделать они толком ничего не могли, особенно сидючи в землях владыки Северного Берега – в то время как Храм находился где-то в Диких землях, далеко на юге Эртинойса.

– Будь я моложе, то непременно отправился бы в Храм, – тут Саон закашлялся. Отдышавшись, подмигнул Элхаджу, – но стар я становлюсь. Да и, отправься я в путешествие, кто будет наставлять молодняк?

Элхадж ничего не ответил. Помолчав, он задал следующий вопрос.

– Метхе Саон, а как Шейнира отвечала на твои молитвы? Что ты чувствовал?

Старик усмехнулся, горестно покачал головой.

– Что я... чувствовал... Тебе и вправду хочется это знать?

– Я ведь и спрашиваю оттого, что интересно, – пробурчал Элхадж. Все-таки Саон умел выводить из терпения кого угодно, даже его, чье имя значило «Ждущий своего часа».

– Ты чувствуешь себя наполненным, – веско прошепелявил синх, – тебе не понять... Ты чувствуешь, что можешь сделать все, что только пожелаешь. И враги падают, один за другим, от одного твоего взгляда...

Элхадж опустил голову, чтобы скрыть усмешку. В последнее время Саон все больше нес какую-то чушь. Хотя, быть может, это все вокруг него оказывались дураками, потому что не знали, как богиня отвечает на призыв и как наделяет своей силой.

– Метхе Саон...

Ответом было тихое мирное посапывание, и Элхаджу ничего не осталось, как отползти в свой угол и занять место между двумя хорошенькими синхами и брыкающимся во сне малышом.

Вьюга за окном не унималась. Вслушиваясь, как шуршит по крыше и стенам снег, и как завывает ветер, путаясь в мохнатых лапах елей, Элхадж лежал и думал. О том, что метхе Саон, самый старый синх из их гнезда, знает достаточно много, а рассудок его слишком ясен, чтобы выдавать бред за действительность. О том, что, может быть, и в самом деле все зависит от силы Храма, от того неведомого синха, что стоит во главе и обращается с еженощной молитвой к Шейнире... Ведь было же время, когда, призвав богиню, один синх с легкостью справлялся с десятком ийлугов, обращая в прах их тела? Сам Элхадж вылутился из яйца много позже, во время упадка синхов, и знал о силе Шейниры только понаслышке, в основном из рассказов старого метхе.

Пение бури убаюкивало. Элхадж прикрыл глаза, натянул до подбородка войлочное одеяло.

Да, метхе Саон оставался единственным из тех, кто помнил – каково это, быть частицей божественной силы, пребывать в молитве с Шейнирой... И, наверное, эти мгновения оставались для него самым лучшим, что случилось за долгую, очень долгую жизнь. Ведь не зря загорался огонек в старческих кровавистых глазах, когда метхе вспоминал славу ушедших столетий.

Элхадж медленно погружался в дрему, и, как всегда, оказывался во власти цветных полотнищ своего прошлого.

«Что это, метхе Саон?»

Старик медленно листал толстую книгу, осторожно переворачивая хрустящие страницы. Поднял глаза на Элхаджа, поманил к себе.

«Смотри».

На пожелтевших листках, на весь разворот, была нарисована картинка. Красными чернилами – квадрат, внутри него – спящий дракон, свернувшийся клубком, словно лесная кошка. А рядом с каждой из вершин было тщательно выписано по высшему покровителю народов Эртинойса. Фэнтар с Молотом Света в крепких руках, бог воинственных ийлугов, Санаул, белокожий, с распахнутыми кожистыми крыльями и темным алмазом во лбу, который элеаны прозвали Оком Сумерек; маленький и хитроумный Хинкатапи с бездонным кошельком, отец всех кэльчу, ну, и наконец – Шейнира, богиня синхов. Она была изображена чуть крупнее прочих богов, наверное, именно так неизвестный автор пытался подчеркнуть ее могущество и значимость в квадрате мироздания. Синха выше пояса, Шейнира сверкала изумрудной зеленью, и каждая чешуйка была выписана так умело, что, казалось, вот-вот богиня шевельнется, протянет с древних страниц руки к своим детям... На ее шее горело рубинами ожерелье Проклятых Душ, в руке тускло золотился цветок, и змеиное ниже пояса тело было свернуто кольцами, символизирующими бесконечность Ее власти.

– Говорят, что Шейнира лепила синхов из глины, – прошелестел Саон, – а когда поняла, что получились не-живые глиняные игрушки, вложила каждому синху душу из своего ожерелья. Дала в долг, чтобы потом вернуть. Понимаешь теперь, отчего ийлуры нас терпеть не могут? Они считают, что принадлежат свету, всему, что чистое и незамутненное ни ложью, ни предательством, а мы, синхи – тела с проклятыми душами.

– И потому они нас истребляют?

Метхе Саон покачал головой.

– Много здесь всего намешано, Элхадж. Война за землю, война за сокровища, что рождает лоно ее... Одних проклятых душ мало.

И усмехнулся, поглаживая когтем изумрудную фигурку богини.

– А что у нее в руке?

– Это? Золотая роза.

– Никогда не слышал о таких, – пробормотал Элхадж, – где они растут?

Старик вздохнул, его кровавистые глаза на миг подернулись дымкой воспоминаний.

– Теперь – нигде, Элхадж. Золотые розы исчезли из Эртинойса... Раньше-то они росли повсюду, как сорная трава. А потом Храм начал терять силу, и розы исчезли. Просто вымерли.

– Разве розы так важны для храма, а храм – для роз? – не унимался Элхадж, – и что это за дракон в центре квадрата?

– Дракон Стерегающий время, – Саон мягко улыбнулся, старику почему-то было приятно думать об этом странном создании, – он спит, в кольцах его тела – Эртинойс. И если дракон спит, значит, наш мир в безопасности...

Элхадж внимательно слушал, запоминал. И в душе, той самой проклятой душе из ожерелья богини, теплился огонек надежды – а вдруг когда-нибудь понадобятся те жалкие крохи знаний об Эртинойсе, которыми так щедро разбрасывался старый синх?

...Потом им пришлось бежать от отряда владыки Северного Берега, и старая книга потерялась. Всем гнездом они забирались все дальше и дальше на север, туда, где лето коротко, а зимы суровы; туда, где взращивает ледяные торосы море Холодов; туда где правит железной рукой ийлур, милостью Фэнтара обративший свое сердце в камень... Они шли вперед, теряя слабых, временами чудом уходя от отрядов владыки Эар-Тора, голодая и

замерзая. Пока, наконец, не очутились в дикой лощине. Здесь, в уединенном и богами забытом месте и обосновалось гнездо старого Саона.

– Вот и буря утихла, – услышал Элхадж сквозь дрему, – утром увидим солнце...

Он невольно улыбнулся, кажется, это сказала одна из совсем молодых, недавно выпившихся.

...Синха не ошиблась в своих ожиданиях. Солнце – низкое, северное, выкатилось на бледное небо большим розоватым шаром, рассыпало искры по сугробам вперемешку с фиолетовыми тенями в ложбинках, отразилось тысячью крошечных светил в сосульках. В морозном воздухе вилась тонкая снежная пыль. Дышалось легко, так легко, что, казалось, за спиной могут вырасти крылья – и взлетишь к чистому, вытертому снегом небу, мимо елей в белых кафтанах, мимо стройных осин, изгибающихся под тяжестью пушистых шуб.

Элхадж вдохнул поглубже, с выдохом выпустил в хрустальный воздух облачка пара. Порой он и в самом деле жалел о том, что не умеет летать. Отчего получилась такая несправедливость? Отчего элеаны, дети сумеречного бога Санаула, наделены способностью покорять небеса, а синхи – нет? Метхе Саон как-то объяснял, что у каждого народа свой дар, данный богами. Ийлуры – великие воины. Во время битвы многие из них способны призвать силу Фэнтара, и тогда один удар меча валит десятерых. Чем сильнее молитва, тем сильнее дар бога. Элеанам дано другое. И пусть их тела более хрупкие, и пусть не тягаться им в ближнем бою с ийлурами... Взывая к Санаулу, они способны летать быстрее, чем стрижи, и нет никого среди других народов, кто мог бы обогнать элеана, даже на самом быстром скакуне. А еще, говорят, элеанам известен ритуал провидения, когда Санаул позволяет пусть на краткий миг, но все же взглянуть в Око Сумерек, темный алмаз будущего... Кэльчу, вызывая, обретают способность видеть золото и драгоценные камни глубоко под землей. Ну, а синхи... Синхи могут убивать, призывая власть Шейниры. Вернее, могли раньше, когда богиня соизволяла отвечать. Тогда – Элхаджу как-то довелось прочесть об этом – смерть несущая волна, словно завеса из частиц пепла, расходилась во все стороны от вызывающего, и горе тому, кто оказывался на ее пути.

– Элхадж, я все еще жду хворост.

Шелестящий голос метхе Саона вывел его из задумчивости. Старый синх выглядывал из низкой двери гнезда, приподняв занавес из волчьей шкуры. Элхаджу показалось, что, невзирая на сердитые нотки в голосе, метхе улыбался.

– Сейчас, метхе Саон, сейчас принесу, – пробормотал Элхадж.

Он поправил альсуню и побрел в сторону деревьев, утопая в сугробах. В самом деле, как глупо стоять и мыслями витать в облаках, когда огонь за ночь поглотил все запасы дров, и когда мерзнут младшие... Элхадж ощутил вину.

– Сейчас-сейчас, – пробурчал он, словно старый синх мог его услышать, – сейчас принесу, и разведем большой огонь, как в царстве Шейниры. А там наверняка огонь жарок, тьма – беспросветна, а свет – чист... И все синхи, когда-либо жившие, наслаждаются теплом у большого костра, и цветут золотые розы.

Развлекаясь собственными фантазиями, Элхадж набрал большую охапку еловых веток, обвязал ее бечевой и потащил к гнезду. Ноги мерзли в снегу. Он уже не раз предлагал метхе Саону сшить из волчьих шкур мешочки со шнуровкой и надевать их на ступни. Старик неизменно отвечал, что не в обычае синхов носить башмаки, и что босая ступня синха – дань уважения к Шейнире, царство которой где-то там, в глубинах Эртинойсы. Элхаджу в такие моменты хотелось учтиво напомнить о том, что синхи, вообще-то говоря, изначально жили в Диких землях, и там же, среди джунглей, строили города. Ну, а в Диких землях все-таки теплее, нежели в землях владыки Северного Берега.

Элхадж брел обратно к гнезду, по привычке придерживаясь цепочки собственных же следов, которые охотнику могли напомнить формой медвежьи. Зоркий глаз отмечал то заячью стезю, то мелкие углубления, где спускалась на снег белка. Или...

Синх остановился, как вкопанный. Да, вот эти, крупные следы на чистом снегу. А вон еще, и еще...

– Спаси нас, Шейнира, – выдохнул он, и, бросив хворост, изо всех сил рванулся вперед. Туда, где еще утром было гнездо.

Неужели отряд Владыки?!!

Элхадж бежал, проваливаясь в сугробы. Падал, поднимался, и снова бежал. А потом услышал собачий лай, крики, мольбы о пощаде...

«Они все-таки нас нашли», – пронеслось вспышкой молнии, – «все-таки нашли!»

И тут же размеренным шагом явилась и другая мысль:

«Зачем ты идешь туда? Пока что тебя не заметили, спрячься, дождись, пока ийлуры убегут... Может быть, ты еще сможешь кому-нибудь помочь, сам оставшись среди живых!»

Элхадж остановился. В самом деле, зачем он спешит, словно безумец, навстречу собственной гибели?

– Молот Фэнтара!

Этот клич нельзя было спутать ни с каким другим. Боевой клич ийлуров, идущих на врага...

Синх только и успел, что обернуться. Он увидел, как фонтаном взметнулся снег, чистый, искрящийся; как надвинулась на него дышащая паром мохнатая фигура. Что-то сверкнуло на солнце, ярко и беспощадно, на миг странный холод вошел в грудь, как раз между двумя сердцами – а затем все поглотила обжигающая волна боли.

Некоторое время он еще слышал залиvistый собачий лай, чувствовал, как горячий нос тычется в щеку. Потом ощущения пропали, и Элхадж с запоздалым удивлением подумал о том, что теперь и для него настало время спуститься в царство Шейниры и задать ей вопрос – отчего богиня покинула своих детей.

...Первым, что он почувствовал, было слабое дуновение в лицо. Но не дыхание морозного утра – а, скорее, чуть заметный сквозняк в помещении, которое было заперто много лет.

«Значит, я не умер? Или стал бесплотным духом?»

Элхадж осторожно шевельнул пальцем. Он боялся, что не почувствует собственного тела, боялся панически, так, что ощутил во рту железистый привкус. Но палец послушно согнулся и разогнулся; это настолько воодушевило синха, что он поспешно ощупал грудь, как раз там, где прошелся клинок ийлура.

Странно. Ни следа раны. Даже тоненького шрамика не осталось.

И, вконец озадаченный, Элхадж открыл глаза.

Над головой смыкали объятия тяжелые каменные своды. По бокам – стены, сложенные из крупных, почти неотесанных камней. Соцветия догорающих факелов в ржавых подставках.

«Неужто в плену?» – подумал синх, но тут же осекся. Ийлуры никогда не брали в плен синхов, предпочитая расправиться с порождениями Шейниры там, где нашли.

Он сел на земляном полу, обхватил плечи руками. Все-таки в этом странном подземелье было холодно, и альсуня не удерживала тепло, хотя уже одно это настораживало: нехитрая одежда прекрасно грела его в морозные деньки, а тут – на тебе. В безветрие – и так мерзнуть.

И, решив обследовать странное место, в котором оказался при столь удручающих обстоятельствах, Элхадж поднялся и побрел наугад, по кажущемуся бесконечным коридору.

«Старика жалко», – думал он, глядя в багровую муть далеко впереди, – «да и малыш... Эх, наверняка и его тоже... и те синхи, как они любили строить глазки всем подряд».

В душе просыпалось непонятное желание выть, царапать когтями стены, призывать проклятие на головы тех, кто пришел – и убил. Да поглотит их первозданная тьма. А метхе Саон – каким жалким он выглядел теперь в памяти, и какими занятыми казались его незамысловатые и слышанные по сотне раз истории о величии синхов!

– Почему ты отвернулась от нас? – не выдержал он. – почему?

Стены – тяжелые, серые, в пятнах копоти – содрогнулись. Элхадж не успел даже отскочить в сторону и куда-нибудь спрятаться, как коридор вдруг раскрылся цветком.

...И синх предстал перед богиней.

Шейнира оказалась именно такой, какой однажды Элхадж видел ее в старой книге метхе Саона. Выше пояса – синха, ниже – змея. Изумрудная чешуя влажно поблескивает в неверном свете факелов, глаза похожи на два провала в бесконечную ночь. А на груди лежит тяжелое ожерелье Проклятых душ, и не счесть в нем рубинов, горящих кровавыми брызгами.

«Значит, я все-таки умер», – мелькнула мысль, исполненная чуть горчащего спокойствия.

Да, все именно так. Иначе и быть не могло.

Элхадж одернул альсуною, сам себе удивляясь. Ты стоишь перед самой Шейнирой, впору пасть ниц и молить, но...

«Метхе Саон говорил, что она могла бы спасти оставшихся синхов. Могла, но не спасла».

– Почему ты отвернулась от нас? – повторил он свой вопрос, глядя в бездонные глаза богини.

Шейнира молчала, только подрагивал узорчатый хвост, сложенный в кольца. А затем медленно подняла руки – и Элхаджу теперь уже на самом деле захотелось пасть ниц, и плакать, рыдать от отчаяния... потому что прекрасные руки богини оказались закованными в цепи.

– Помоги мне, – шелестящий голос наполнил собой все пространство, давя, загоня разум в темную конуру беспомощности, – помоги, и я вернусь. И ты получишь все, и народ синхов, мои дети, вновь начнет восхождение к славе и могуществу.

– Но...

Вид плененной богини был ужасен. В висках бился один-единственный вопрос – кто же мог сотворить с ней такое? Кто?!!

– Иди в Храм, – Шейнира говорила не размыкая губ, – если достигнешь Храма, мои дети будут в силе до конца этого мира. Отступник, предатель виновен во всех бедах синхов... И ты – первый, с кем я могла заговорить. Иди в Храм, Элхадж... И убей Отступника.

– Я же мертв, – эти простые слова он с трудом вытолкнул из горла, – что я могу сделать?

– Ты вернешься, – Шейнира вдруг улыбнулась, – и я помогу тебе... Один раз. Но используй мой дар тогда, когда он в самом деле будет нужен. И пусть вокруг Храма вновь раскинется долина золотых роз...

Она протянула к нему скованные цепями руки – на ладони тускло блеснул бутон.

«Я вернусь? Но ведь это значит...»

Элхадж невольно потянулся к священному цветку, пальцы коснулись гладких холодных лепестков... Его рука, рука взрослого синха, казалась детской по сравнению с руками богини.

А потом и Шейнира, и подземелье – все скомкалось, словно сминаемый переписчиком неудавшийся лист. Над Элхаджем простерлось чистое синее небо в обрамлении лохматых еловых ветвей и сверкающего снега.

Некоторое время синх просто лежал в снегу, раскинув руки. Он боялся пошевелиться: казалось, стоило двинуться в гнезде из холодного белого пуха, и чудесный сон развеется, и вокруг воцарятся крошечный мрак, небытие... Смерть.

Потом сквозь завесу мутного, непонятного страха просочился чистый ручеек мысли – да ведь он был убит, и вернулся в мир живых только благодаря великой Шейнире!

«Она избрала меня, именно меня, чтобы синхи вновь возвысились в Эртинойсе...» – подумал Элхадж. Эта простая и светлая мысль сдернула все страхи прочь, как старое, запылившееся покрывало. Синх осторожно ощупал грудь – пальцы невольно замерли, наткнувшись на пропитанную чем-то липким ткань, – но лишь тонкий рубец на коже напоминал о стальной смерти.

И Элхадж впервые в своей недолгой жизни мысленно вознес молитву Шейнире, исполненную горячей благодарности. Он очень надеялся, что богиня услышит в своем заточении глас его души – и ей станет немного легче.

«Благодарю тебя, о величайшая. Благодарю за то, что избрала меня для великих деяний... Клянусь, я выполню все возможное – и невозможное, и вокруг храма вновь зацветут золотые розы».

Потом он поднялся и побрел туда, где раньше было гнездо. Пошатываясь от слабости, проваливаясь в пушистые сугробы, да и с шипением хватаясь за грудь – затянувшаяся рана все же давала о себе знать. Элхадж шел сквозь ельник, прислушиваясь, озираясь по сторонам, рискуя нарваться на карательный отряд ийлугов... Шел, хотя уже знал, *что* увидит в дикой долине.

Как и предполагал синх, в живых не осталось никого. На месте гнезда – дымящиеся развалины, уродливое черное пятно посреди неестественного, бело-алого покрывала.

Элхадж плотнее запахнул на груди альсуню и подумал, что, верно, не стоило сюда идти, тратя драгоценные время и силы. В конце концов, было бы наивно полагать, что ийлугов оставят жизнь хотя бы одному синху.

Он медленно обошел место последней стоянки гнезда, старательно перешагивая исчерканный красным снег, прошептал слова напутствия метхе Саону, пожал судорожно сжатую лапку малыша, прикрыл обнаженные ноги одной из синх. А затем также неторопливо повернулся и пошел прочь, на юг. Туда, где, по словам метхе Саона, должен был находиться Храм.

* * *

Уже на следующий день Элхадж понял, что совершил глупейшую ошибку, не покопавшись как следует в пепелище, не собрав то, что уцелело и могло пригодиться в дороге. Конечно, это было бы нарушением закона, о котором так любил талдычить метхе Саон – «не брать у мертвых ничего, ведь у них больше ничего не будет», но... Они-то отправились в царство Шейниры, и вряд ли страдали от холода и голода. А Элхадж, живой, брел по закатному лесу и чувствовал, что грядущей ночи ему уже не пережить.

Порой он начинал истово молиться, надеясь, что Шейнира ответит и вошьет в жилы капельку тепла. Ну, или подбросит на дорогу сухое огниво. Но богиня хранила молчание, и Элхаджу не оставалось ничего иного, как кутаться в старую и прохудившуюся альсуню. Порой накатывала смертельная тоска. И сама надежда добраться до Храма, казалось, замерзает в ледяной глыбе и гаснет, гаснет...

Несколько раз Элхадж останавливался и сам пытался разжечь костер; до судорог с пальцах тер друг о дружку еловые палочки, но – не удавалось добиться даже слабого дымка, не говоря уже о животворящем пламени. А мысль обратиться к Шейнире и испросить ее божественной Силы была заманчивой. Слишком, чтобы долго ей противиться.

«А что, если мне будет угрожать иная опасность, но тогда уже не останется ничего, что могло бы меня спасти?»

И Элхадж снова начинал молиться Шейнире, прося помочь, оставить на пути божественный знак.

«К тому же, с чего это я взял, что Сила ее поможет согреться? Метхе Саон только и говорил, что о Покрывале, но то ведь дар смерти, а вовсе не жизни».

Синх, обхватив себя руками за плечи, брел дальше. Получается, богиня пообещала свой Дар, но отнюдь не позаботилась о том, чтобы ее избранник дошел до Храма... Но разве это правильно? Мысли начинали путаться, почти как замерзшие и заснеженные ветви над головой, и Элхадж уже не чувствовал пальцев на ногах.

Между тем алый шар солнца почти скрылся за кромкой далеких гор; виднелась лишь румяная горбушка, и редкие облака были напитаны клюквенным соком. Восточный край неба начал темнеть, наливаясь глубокой синевой и суля морозную ночь.

«Но если я замерзну – кто дойдет до Храма и освободит Шейниру?»

Элхадж в который раз остановился и поглядел на ближайшую ель. Может быть, сейчас именно то, *правильное* время, когда сила Шейниры просто необходима?.. И вдруг не договаривал метхе Саон, вдруг божественную силу можно использовать и во благо – хотя бы для того, чтобы заставить загореться мерзлые ветки?

Внезапно синх едва не подскочил на месте. Там, меж ветвей, теплился чей-то огонек. А, значит, оставалась надежда на то, что он проведет эту ночь в относительном тепле.

«А если там ийлуры?» – хмыкнул синх, в то время как ноги его сами по себе двинулись в направлении костра.

«Я в любой момент смогу повернуть обратно», – тут же решил он, будучи не в силах отвести взгляда от вожделенного огня.

Стараясь двигаться бесшумно, Элхадж подобрался почти вплотную и, скользнув между сугробами, огляделся. Перед ним открылась крошечная полянка; посреди, рядом с кучей дров, весело трещал костер. На поваленном дереве, вытянув ноги к теплу, сидел ийлур в сером плаще...

Синх стукнул себя ладонью по лбу.

«Ийлур! Да какой же это ийлур? Это же твоя удача, безмозглая ящерица».

И, выбравшись из снега, Элхадж пошел напрямик к хозяину огня. Потому как им оказался вовсе не ийлур, а элеан, а то, что сперва Элхадж принял за плащ, оказалось сложенными крыльями.

Эта встреча на самом деле была огромной, просто божественной удачей. Дети Санаула, элеаны всегда сохраняли этаким прохладный нейтралитет по отношению к детям Шейниры. Помогать не кидались, но, уж по крайней мере, и не убивали, пытаясь таким образом искоренить все зло Эртинойса.

...Синх замер, уставившись на взведенный арбалет, который весьма недружелюбно смотрел прямехонько в правое сердце. Элеан – немолодой, лицо исхлестано морщинами, молча глядел на незваного гостя. И ждал.

– Не стреляй, – попросил Элхадж на общем наречии, – Позволь мне разделить этой ночью с тобой тепло... иначе я замерзну, а путь мой далек, и цель высока.

Элеан молча опустил оружие и вновь повернулся к огню, как будто и не было рядом синха. А тот, с невольной завистью рассматривая круглую меховую шапку и меховую же куртку, подобрался к огню, с наслаждением протянул к пляшущим саламандрам негнущиеся пальцы.

«Хвала Шейнире, что это оказался элеан», – подумал Элхадж, – «с ийлурами такое бы не выгорело. Интересно, а что это он здесь делает?»

Вопрос казался вполне уместным, потому как метхе Саон любил рассказывать о том, что элеаны редко покидают Сумеречный хребет. Синх с удвоенным интересом принялся разглядывать гостеприимного хозяина.

Элеан и в самом деле был немолод. Кое-где из-под шапки выбились жесткие седые пряди, а у виска красовалась тонкая косица, украшенная подвеской из лазурита. Кроме арбалета, он был вооружен саблей – она красовалась у пояса, в потертых ножнах, а из-за голенища выглядывала рукоять тяжелого ножа. В общем, не похож был элеан на простого путешественника или на купца. Скорее, воин. Вольный наемник, искатель удачи на дорогах Эртинойса.

«Но что он здесь делает? Совершенно один, посреди зимнего леса?» – вновь подумал Элхадж. И встретился с внимательным взглядом аметистовых глаз.

– Первый раз вижу синха, путешествующего в одиночестве, – сказал элеан на общем, – причем молодого, не обросшего еще толком чешуей синха. Ты что, сбежал от ийлурув?

– Ийлуры перебили мое гнездо, – просто ответил Элхадж, – я остался один. Хочу добраться до Диких земель и найти наш Храм.

– А-а, вот как... – лениво протянул элеан и замолчал, уставившись на огонь. Потом вновь повернулся к синху, – но ты не дойдешь до Диких земель. Ты либо замерзнешь, либо станешь обедом для волков.

Элхадж только плечами пожал. Ну да, он далеко не дурак, понимает, что шансов выбраться живым из северного леса почти нет. Но что делать? Лечь в сугроб и сложить руки на груди? И это в то время, как сама Шейнира просила о помощи?..

Тем временем элеан отвернулся и принялся копать в дорожном мешке, затем ловко бросил Элхаджу сверток.

– На вот, перекуси, а то совсем ноги протянешь.

Синх не поверил ни ушам, ни глазам. Его, *проклятую душу*, угощают?

– Давай-давай, – внимательный взгляд элеана буравчиком впился в переносицу, будто в попытке добраться до мыслей, – ешь. Не бойся, я не ношу с собой отраву для синхов. Да и Санаул, наш сумеречный отец, терпит вас, ящериц...

Пальцы Элхаджа успели обрести былую гибкость; он ловко разворошил сверток и в благоговении уставился на содержимое. А было там много всякой всячины: и овсяные лепешки, и кусочки вяленого мяса, и сушеные и обмакнутые в сахарный сироп яблоки. Вкус последних Элхадж почти забыл, да и единственный раз, когда довелось ему испробовать эти замечательные плоды, приключился только потому, что забрел в гнездо одинокий синх, пожалел малыша Элхаджа и отсыпал целую пригоршню лакомства. Напрочь лишившись дара речи, синх перевел изумленный взгляд на элеана. Тот усмехнулся, кивнул – мол, ешь, не бойся... И тут же верткой рыбкой взметнулась под стенками черепа мысль: элеаны не помогают синхам. Никогда. Точно также, как ийлуры никогда не оставляют *ящериц* в живых.

– Почему? – тихо спросил Элхадж.

– Что? – в хриплом голосе элеана прорезались первые нотки раздражения.

– Твой народ не помогает моему. А ты решил мне помочь.

– И ты, несомненно, находишь это недостойным элеана? – в уголках рта собрались жесткие морщины, – что плохого в том, что я тебя решил спасти от голодной смерти, а?

– Ничего, – смущенно пробормотал Элхадж, – ничего...

– Ну так жри, пока обстоятельства позволяют, – грубо обрубил элеан. И, отвернувшись, уставился на огонь.

Элхадж поежился и грустно подумал о том, что своими дурацкими вопросами разозлил хозяина костра, и что тот волен прогнать его, а то и вовсе прибить. Но элеан молчал и смотрел на пляску рыжих саламандр на поленьях, а потому синх решил не дразнить судьбу.

Он принялся за еду, жуя и торопливо глотая, стараясь не упустить ни крошки. Когда еще доведется поесть?

– Ты говорил, что идешь в Дикие земли, – вдруг произнес элеан, – почему ты идешь туда?

Кусок мяса застрял в горле. Синх затравленно взглянул на своего благодетеля, мысленно взвешивая «сказать – не сказать»... Элеан опередил его.

– Ты хочешь в Храм Шейниры попасть? Я слышал, храм давно опустел. Что ты там будешь делать, совершенно один?

Элхадж с усилием проглотил мясо.

– Не знаю. Откуда мне знать сейчас, что я буду делать?..

Элеан усмехнулся, пошевелил сложенными крыльями.

– Не знаю... Что ж, возможно, и вправду не знаешь... Пока не знаешь... Ты ешь, ешь.

В то время как Элхадж дожевывал обед, над костром весело забулькал кипяток. Элеан торжественно вручил синху глиняную кружку, похожую достал для себя и всыпал в котелок кисло пахнущих веточек.

– Это священная трава Санаула, – сообщил он, – испивший видит во сне грядущее. Тебе ведь известно, что во лбу Санаула – темный алмаз, в гранях которого будущее каждого живого существа? Так что... заснешь – смотри внимательно и запоминай. Авось пригодится.

...Прихлебывая отвар, Элхадж все-таки с подозрением поглядывал на элеана. Но тот так усердно опустошал свою кружку, что у синха отпали всякие сомнения на счет содержания в питье яда. Потом странный, не похожий на прочих элеан бросил на колени Элхаджу потрепанное одеяло, сам завернулся в подбитый тигровым мехом плащ, набросив его поверх крыльев.

– Смотри священный сон, ящерица, – элеан усмехнулся, – запоминай...

И, устроившись прямо на снегу, моментально заснул. Или – что более вероятно – сделал вид, что уснул.

«Хочет посмотреть, что я буду дальше делать», – решил Элхадж, заворачиваясь в одеяло.

И подумал о том, что надо бы убраться прочь от этого загадочного элеана, который, во-первых, оказался на севере, слишком далеко от Сумеречного хребта, а во-вторых – пригрел и накормил синха.

«Дождусь, пока он уснет», – решил Элхадж, – «заберу с собой одеяло и, наверное, огниво... Грабить приютившего тебя плохо, но что поделаешь – без огня до Храма не дойти. И ходу, ходу... Подальше от таких вот... странных... кто знает, что у него там, на уме?»

Элхадж подтянул к груди ноги и, чтобы не заснуть, принялся вспоминать метхе Саона, малыша, молоденьких синх... Но от этого стало больно, так, что захотелось выть, царапать когтями землю – зря Шейнира не наделила синхов способностью проливать слезы. Даже на пепелище Элхадж не чувствовал такого, а теперь словно обострились чувства, и горечь от потери родного гнезда разливалась безбрежным морем, и печаль сковала душу подобно вечным льдам крайнего севера.

«Воля Шейниры! Неужели трава?.. Это священная травка Санаула так действует?»

Найти ответ на этот вопрос Элхадж уже не успел, потому что заснул.

* * *

Он поднимался по витой лестнице. Осторожно щупая каждую следующую ступень, одетую в узорчатый малахит, чтобы – упаси Шейнира – не наступить на спрятанную ловушку. По стенам тянулась мозаика – из малахитовых плиточек, и в каждой – свой оттенок, начиная от нежно-зеленого и заканчивая глубоким изумрудным. Элхадж остановился,

чтобы рассмотреть рисунок; оказалось – повсюду скрытый глаз Шейниры, который видят только пребывающие в силе, похожий на соединенные вместе три лепестка лилии, а в центре – строенный зрачок. Тот, кто видел во лбу Шейниры третий глаз, мог видеть обман...

«Жаль, что она не явила мне глаз раньше», – подумал Элхадж, поднимаясь дальше, – «хотя... это ничего бы не изменило».

А потом лестница закончилась, уперлась в высокую деревянную дверь, обитую позеленевшими от времени бронзовыми полосами. Элхадж помедлил, собираясь с силами; неведомо, что ждало внутри, на самом верху главной башни... И потянул на себя бронзовое кольцо.

Он переступил порог, ожидая подлой атаки.

Ничего... Покои, в которых он находился, казались давно нежилыми, повсюду – пыль, клочья пергамента, паутина. Сквозь бойницу на пол падает полоска света, жалкая и ненадежная.

– Остановись, неразумный.

Руки Элхаджа сами собой сжались в кулаки. Отступник!

– Зачем ты здесь?

Из полумрака выплывает сгорбленная фигура синха в новенькой альсунее.

– Чтобы возродить былое величие синхов? – его голос перекачивается сухой листвою по дверям склепа, – но ты заблуждаешься. Величие синхов и Шейнира могут жить отдельно. Поверни назад, пока не поздно – ибо ее ожерелье и без того слишком полно...

– Нет, – Элхадж торопливо нацупывает связующую его и Шейниру нить, – я не уйду. Ты уйдешь, предатель.

– Не делай этого, – умоляюще шелестит старик, – неужели ты так ничего и не понял?..

Он проснулся с воплем, сел, и долго не мог успокоить неистово колотящиеся сердца. Затем вспомнил про элеана, про давешний ужин и священную траву Санаула. В голове бухала молотком неприятная, тянущая боль.

– Пусть я провалюсь в царство Шейниры прямо здесь и сейчас! – синх поспешно надавил на виски, верное средство от овладевшего им недуга. Затем огляделся: элеана и след простыл, и, судя по искрящемуся на солнце снегу, время катилось к полудню. Элхадж тихо выругался. Станный элеан, странное питье... Станный, в конце концов, сон, и этот старик, Отступник, и третий глаз Шейниры...

«Да что за чепуха? Нет у нее третьего глаза, не-ту! Меньше отваров из священной травки надо пить, еще не такое приснится!»

Элхадж разозлился на себя. Как же он так просто дал себя провести? И что бы сказал метхе Саон?

«Дурак ты, дурак», – он выбрался из свертка, который соорудил вечером из одеяла, пальцы случайно наткнулись на маленькую коробочку. Было похоже на то, что элеан «случайно забыл» рядом со спящим синхом свое огниво. Тут же, рядышком, спокойно дожидался нового хозяина свертки с лепешками и сушеными яблоками...

Синх так и уселся на снегу, мучительно соображая, что же делать дальше. Все происшедшее с ним казалось загадочным. Может, кто-нибудь ждет от молодого Элхаджа вполне определенных действий? Но кто? Да и кто мог знать о существовании молодого и ничем не приметного синха?

Он задумчиво сжевал одну лепешку. Запивать было нечем, поэтому взял на язык немного снега.

«Третий глаз Шейниры... Хм... Метхе Саон никогда не говорил о нем. Да и чепуха все это!»

И тут же вспомнил слова того же старого Саона – *смертным не суждено познать богов до конца, иначе сами смертные стали бы богами.*

– Ну и ладно, – пробурчал синх, поднимаясь, – поглядим, что дальше-то будет.

Ощущение, что элеан никуда не улетел, а наблюдает из-за заснеженных ветвей, никак не желало убраться восвояси.

... К вечеру Элхадж неожиданно выбрался на открытую равнину, где между белым покрывалом зимы и мутным сумеречным небом застыл высоченный частокол. Из-за отесанных и плотно пригнанных друг к другу бревен выглядывали макушки теремов, к небу тянулись столбики дыма, доносился звонкий собачий лай. Синх постоял-постоял, глядя на город ийлугов, и повернул обратно в лес. Ведь глупо идти через открытое пространство, когда зоркие глаза караульных великолепно видят в сумерках; и Элхадж решил дожидаться ночи, чтобы незаметно обогнуть город и двинуться дальше.

Он даже не стал разжигать огня, забрался под шатер еловых ветвей и устроился в этом подобии шалаша. Чтобы скоротать время, синх снова развернул еду, съел еще кусок лепешки, с наслаждением разгрыз сладкое яблоко.

«И все-таки, странный это был элеан. Что ему нужно, хотелось бы знать».

Потом Элхадж принялся вспоминать свой странный сон, малахитовую лестницу, Отступника, его последнее предупреждение... А что, если все так и будет, и трава Санаула приоткрыла перед ним завесу грядущего?

Он покачал головой. Если это так, то ему суждено добраться до храма. А что будет дальше – на то воля Шейниры...

Когда окончательно стемнело, Элхадж собрал остатки еды, сунул все за пазуху, к огниву, и выбрался из своего укрытия. Птица-ночь обняла крыльями Эртинойс, в морозном небе колко искрились звезды, высоко в кисейных облаках парил тоненький, только что народившийся месяц.

И тут Элхадж вдруг сделал пренеприятное открытие: широким полукругом по ночному лесу двигались багровые огоньки.

– Держи, вон он! – раздался басовитый крик откуда-то сбоку, огоньки затрепетали и как-то разом стали ближе.

Это были ийлуры. И шли они как раз на Элхаджа.

* * *

...В то время, как Элхадж соображал, куда бежать, в каких-нибудь двух айсах к северу у костра сидел элеан по имени Тарнэ. Время от времени его взгляд отрывался от хоровода огненных саламандр и обращался к черным силуэтам елей, но, не найдя там никого, снова возвращался к огню.

Элеан терпеливо ждал. Впрочем, он уже привык к длительному ожиданию за долгие годы, проведенные в Храме. Том самом, что на заветном мысу, драконьей челюстью уходящем в теплое южное море.

Ждал, потому как от грядущей встречи зависело слишком многое.

И наконец его ночное бдение увенчалось успехом: на границу света и ночных теней неслышно ступила ийлура. Тарнэ поспешил поклонить колена.

– Хранительница...

Она была, или – по крайней мере казалась очень юной. Длинные иссиня-черные волосы обрамляли худое лицо необычайно твердых и четких линий. Ни забавных ямочек на щеках, ни кругленького подбородка. Каждая линия, каждый штрих служили напоминанием о тех древних статуях ийлугов, которые в изобилии находили под фундаментом все того же Храма

на мысу. А глаза ее были похожи на янтарь, что выбрасывают на берег соленые волны – дивного теплого цвета, блестящие, с золотыми искрами в глубине.

Что касается одевания ночной гостьи, то оно могло показаться неуместным для прогулок по зимнему лесу: белый легкий шелк, на талии прихваченный кованым золотым поясом, да несколько золотых же браслетов, украсивших тонкие запястья.

– Да. Ты хотел меня видеть, и я пришла. Поднимись, Тарнэ. Ты уже давно стал одним из посвященных, и негоже тебе преклоняться передо мной.

– Но, мать-хранительница, далеко не каждый может увидеть тебя, – элеан повиновался, но глаз поднять не смел.

– Зато каждый может услышать, – ийлура приблизилась и жестом самой обычной смертной протянула руки к огню, – думается мне, порой достаточно слышать. Но ты так настойчиво просил о встрече, что я пришла.

Тарнэ осторожно взглянул на нее.

– Слух может подвести. Слух и зрение – никогда.

Она улыбнулась и покачала головой.

– Ты слишком молод, чтобы судить... Рассказывай, Тарнэ. Ведь для того, чтобы поговорить с глазу на глаз, мне пришлось проделать неблизкий путь.

Элеан склонил голову.

– Я нашел его, Хранительница. Избранного претемной Шейнирой... И Отступник купил голову этого синха, он уже почувствовал возвращение преданной им богини.

Ийлура задумчиво смотрела на огонь.

– Прекрасно. Похоже, квадрат мироздания скоро вновь обретет равновесие.

– Что мне делать? – тихо спросил элеан.

– Делай то, о чем ты думал, пока ждал меня, – она с усмешкой посмотрела на Тарнэ, – пусть отступник полагает, что он снова оказался победителем... И пусть это поможет новому *Избранному* выиграть время.

– Но... – Тарнэ запнулся и в замешательстве поглядел на ийлуру, – но как же...

– Я понимаю твои сомнения, – неожиданно мягко сказала она, – но это действительно так. Я предлагаю вмешаться, да. Но ведь то, что ты будешь делать – совсем не похоже на то, что сотворили когда-то наши обожаемые хранители Границы... Делай то, о чем думал, Тарнэ... А я – я буду молить Великого Дракона о том, чтобы он открыл тебе Путь.

– А после? – он задумчиво тербил косицу, – после... мне следует вернуться в Храм?

– Не думаю. Лучше будет, если ты вернешься к Мен-Рою и будешь присматривать за тем, что творится в храме Шейниры. У тебя будет время до того, как Отступник раскроет обман.

Элеан низко поклонился. А когда выпрямился, ийлуры уже не было – и следы от ее маленьких ног вели только к костру. Словно она сгнула в пламени, присоединившись к пляшущим саламандрам.

– Делай то, о чем думал... – шепнул элеан в темноту. И зябко передернул плечами.

Священная трава Санаула явила будущее не только молодому синху, избранному темной богиней. А то, что приоткрылось элеану, нельзя было назвать желанным.

Впрочем, отказ выполнить приказ самой Хранительницы карался не менее жестоко, и Тарнэ понял, что выбора у него не осталось.

Глава 3

Предательство и клятва

Ночное небо дышало холодом. Дар-Теен, стоя у колодца, тер озябшие ладони и притопывал, трамбуя снег. Время от времени он бросал взгляд на звезды, тоскливо прикидывая – а сколько придется еще ждать на морозе?

Но вот загорелась золотистая звездочка светильника в темном окошке терема, дважды поднялась и опустилась. Знак был подан. И Дар-Теен, стараясь ступать неслышно, будто рысь, двинулся по узкой тропинке меж сугробов.

Идти пришлось долго – мимо пустыря, летом зарастающего вереском, а зимой укрытого белой периной, мимо дворов за высокими плетнями, пока не уперся в высокое резное крыльцо.

Конечно же, этот путь Дар-Теен проделывал не впервые. Мало того, каждый раз обещал себе, что эта ночь будет последней, ночь запретных объятий и поцелуев. Знал ведь, что малейшая оплошность – и ее, неверную жену, зароят в снег и оставят умирать, а его, скорее всего, сживет со свету благородный Эйх-Мерол, молочный брат владыки Северного Берега. Знал, но шел. На молчаливый зов черных глаз, таких, что не видно вертикального ийлуурского зрачка, на аромат осенних хризантем, запутавшийся в пышных рыжих волосах...

Дверь бесшумно приоткрылась, и Дар-Теен скользнул внутрь, в душную темноту хорошо протопленного терема.

– Никто не видел? – шепотом осведомилась Лиэ-Нэсс и, не дожидаясь ответа, кивнула в сторону людской, – пойдем быстрее, еще прислуга проснется...

Дар-Теен послушно следовал за ней, за горячим, струящимся ароматом поздних цветов, ловя каждое движение изящного, но сильного тела. И вот, наконец, горница; Лиэ-Нэсс поставила светильник на маленький столик, обернулась с улыбкой.

– Эйх-Мерол уехал на две или три ночи. Я даже не спрашивала, куда...

Дар-Теен молчал. Да и не к чему были слова, ему просто хотелось смотреть на ийлуру, чтобы отпечатались в памяти каждая черточка. Каждая их встреча могла оказаться последней.

– Иди же ко мне, – шепот, словно шелест сухой листвы, – не стой истуканом... Я так долго тебя ждала.

Потом они долго лежали в огромной кровати, и обнаженные плечи Лиэ-Нэсс казались удивительно хрупкими среди волчьих шкур, хотя, как и любая ийлура, она превосходно управлялась с мечом.

– Я бы убежала с тобой на край Эртинойсы, – она подперла ладонью щеку, при этом тяжелый водопад ярко-рыжих волос обрушился на грудь Дар-Теена, – отчего бы нам не умчаться далеко, на юг? В Дикие земли?

Лиэ-Нэсс уже не впервые говорила о побеге, и раз за разом Дар-Теен соглашался, но каждый раз они не предпринимали ровным счетом ничего.

– Когда-нибудь, – сонно пробормотал он, перебирая шелковистые пряди, – но, помилуй, что нам делать на юге? Дикие земли, джунгли, кишат ядовитыми и хищными тварями... Может быть, там еще и синхи пребывают в силе... А здесь все-таки наш дом.

– Да, но Эйх-Мерол еще не стар, далеко не стар, – с кислой усмешкой напомнила ийлура, – долго мы еще будем прятаться от всех, и вздрагивать от скрипа половиц?

Дар-Теен не ответил. Прищурившись, смотрел на огонек в лампе, и вспоминал, вспоминал...

Фэнтар пожелал дать ему судьбу благородного, но очень небогатого дружинника владыки. А дружинник – все равно, что раб, не свободен, и жизнь его – в руках господина. Правда, Дар-Теен был вполне доволен своей долей, убеждая себя в том, что такая участь – далеко не самая худшая. Ну и что с того, что порой лунными циклами приходится колесить по дорогам, что крыша родного дома провалилась, и двор зарос сорной травой? Зато всегда сыт и одет, и не нужно заботиться о завтрашнем дне, не стоит даже думать об этом «завтра», потому как все зависит от пожеланий владыки.

Встреча с Лиэ-Нэсс все перевернула с ног на голову. Дар-Теену еще накануне сообщили, что-де надо сопроводить одну особу, приближенную к владыке, во владения ее отца, погостить, а затем – обратно. Ийлур pokrивился при мысли о том, что несколько дней придется выслушивать нытье и капризы благородной дурочки, но, само собой, с рассветом уже ждал у крыльца. Тогда... первым на крыльцо вышел молочный брат владыки, благородный Эйх-Мерол. Он казался огромным, не брезговал доспехами даже у крыльца собственного дома, и был похож на дикого зверя в плаще из волчьих шкур.

– Ну что, готов отдать жизнь за мое сокровище? – проревел он в лицо Дар-Теену, обдавая луковым и винным духом.

Последнему ничего не оставалось, как отсалютовать мечом.

– Вот и ладно, – Эйх-Мерол повернулся, подал руку спускающейся жене...

В первое мгновение Дар-Теен утратил способность не то что говорить, даже двигаться. Отчего-то женщина Эйх-Мерола представлялась ему такой же, как и сам ийлур – ну, разве что чуть менее волосатой. А на землю с крыльца шагнуло воздушное создание, сотканное из солнечного света, но несущее в глазах влажную темноту ночи. Не чувствуя под собой ног, Дар-Теен помог ей забраться в крытые носилки, их тут же подняли четыре крепких раба.

– Мне говорили, что ты честный парень и блюдешь все законы Фэнтара, – сказал напоследок молочный брат владыки, – оттого я тебя и выбрал.

«Все законы Фэнтара» прежде всего означало, что Дар-Теен будет довольствоваться тем, что имеет и никогда не позарится на чужое. Благородная Лиэ-Нэсс улыбнулась при этих словах, но улыбка получилась очень грустная... А на втором привале означенные законы воинственного бога были напрочь забыты.

«Я бы убежала с тобой», – шептала Лиэ-Нэсс, и в черных глазах плавали огоньки свечей, – «мы бы могли быть вместе, и никого не бояться, Дар-Теен».

Он ничего не отвечал. Или говорил, что когда-нибудь они убегут. А сам порой думал, что Фэнтар подарил ему Лиэ-Нэсс только для того, чтобы окончательно запутать: ты, конечно, познал горечь несвободы, но действительно ли хочешь покинуть сытную кормушку и быть самому в ответе за свою жизнь?

А Лиэ-Нэсс в досаде отворачивалась, стискивала кулачки и неслышно шептала «раб всегда лишь рабом и останется».

...Она долго смотрела на него из-под полуприкрытых век. Затем поднялась, накинула шелковый халат, привезенный откуда-то с востока, взялась за пузырек с благовониями. По спальне поплыл незнакомый, сладкий запах, перебивающий аромат поздних хризантем.

– А я бы хотела побывать в Диких землях, – как бы между прочим обронила ийлура, – и не отказалась бы поглазеть на храм Шейниры...

– Фэнтар с тобой! – Дар-Теен даже сел посреди шкур, – зачем тебе храм проклятых синхов?

Лиэ-Нэсс улыбнулась. В черных глазах плясали озорные искры.

– Ты такой наивный, Дар-Теен... Нет, право слово, ты меня не перестаешь удивлять. Я – женщина, слабое создание...

Тут она задумалась, словно размышляя, а стоит ли продолжать разговор на эту скользкую тему. Но всем известно, что Фэнтар вложил в уста женщин болтливый язык, и Лиэ-Нэсс, при всем ее совершенстве, оставалась всего лишь ийлурой.

– Мне больше некому рассказать, кроме как тебе, – пробормотала она, – поклянись Молотом Фэнтара, что никому не скажешь!

Дар-Теен пожал плечами. Что она там еще задумала?

– Клянусь хранить молчание. Клянусь Молотом Фэнтара.

Лиэ-Нэсс вздохнула.

– Даже под пыткой?

«Ох, не нравится мне все это», – подумал ийлур. Настроение стремительно портилось.

– Даже под пыткой, – заверил он ее.

– Тогда вылезай из постели, – Лиэ-Нэсс ловко сдернула шкуры, – давай-давай, поднимайся, лежебока. Так и быть... Но ты – ты поклялся, не забывай.

* * *

Лиэ-Нэсс повела его темным коридором, какие отводились специально для прислуги, чтобы не мозолила глаза благородным ийлурам. Дар-Теен недоуменно чесал бородку. Что такого хотела ему показать молодая ийлура такого, о чем нельзя было говорить даже под пыткой?

– Идем, идем, – громким шепотом подгоняла она, – уже близко.

Затем как-то незаметно Дар-Теен уткнулся носом в низенькую дверцу, которая, вероятно, вела в самый обычный чулан.

– На, поддержи, – Лиэ-Нэсс сунула ему в руки лампу, едва не плеснув через край маслом, и извлекла из щели между досками ключик.

Дар-Теен вдруг ощутил, как потянуло холодом, но не свежим и морозным – а затхлым и... неживым, что ли...

– Что там у тебя? – он невольно поежился, и подумал про себя, что Эйх-Меролу следовало бы занять чем-нибудь молодую жену. Например, заставить вышить покров на алтарь Фэнтара в храме.

– Тссс... – она лукаво улыбнулась, отчего обозначились ямочки на щеках. В черных глазах плавали золотые искры, отражения огонька светильника.

Лиэ-Нэсс решительно толкнула дверь и, наклонившись, шагнула через порог. Ийлур помедлил несколько минут, но затем последовал ее примеру. Хотя и не нравилось ему происходящее. Но не может же молодой и сильный воин испугаться затхлого дыхания чулана?

Потом ийлура отобрала лампу, загорелись вокруг свечи. Дар-Теен молча наблюдал, как она, ловко приподняв половицы, извлекает небольшой округлый булыжник, какие-то мешочки, несколько пергаментных свитков... Последним из черного провала явился цветок – очень странный, на взгляд Дар-Теена. Потому что стебель и листья давным-давно высохли, а бутон тускло мерцал старым золотом.

Лиэ-Нэсс с торжествующим видом повернулась и широким жестом обвела все свои богатства.

– Смотри, Дар-Теен. Ты, мне кажется, боишься Шейниры – но не нужно бояться ее. Потому как она частенько дает просимое... В обмен на жертву.

– Что?.. – он удивленно моргнул. Сказанное Лиэ-Нэсс показалось полной несуразицей. Но Дар-Теен слишком любил ее, чтобы грубо уличить во лжи; он лишь подумал о том, что девочка заигралась, а ее мужу... И в самом деле пора найти для нее подходящее занятие.

Она подошла, взяла его за руку и, словно ребенка, подвела к своим сокровищам, сложенным аккуратной горкой. Цветок лежал на самом верху, Лиэ-Нэсс взяла его и поднесла к глазам Дар-Теена.

– Это золотая роза, любимый. Неужели ты не знаешь, что пришло в Эртинойс – и ушло вместе с могуществом синхов?

Ийлур промолчал. Мысли неуклюже крутились в голове, грозя опрокинуть и растоптать все то, что копилось годами и выстраивалось ровненькими рядами. А Лиэ-Нэсс, такая неповторимо красивая, такая хрупкая, сплетенная из лучиков света, стояла рядом и держала в руках цветок самой Шейниры. Было странно, отчего на пальцах ее не вскочили волдыри, и кожа не облезла от одного только прикосновения к проклятой розе...

– Ну вот, – Лиэ-Нэсс вздохнула, заглянула в глаза, – я ведь хотела... чтобы только ты знал... А выходит, не стоило...

И, отвернувшись, тяжело вздохнула.

«Фэнтар великий, если у нее золотая роза, что еще у нее есть?»

Дар-Теен прочистил горло.

– Что ты, Лиэ-Нэсс... просто я не ожидал. Конечно, стоило! Кому бы ты еще рассказала?

И вновь повеяло холодом – затхлым, неприятным.

– Можно возносить молитвы Фэнтару, – задумчиво сказала Лиэ-Нэсс, – и он дарует великую силу в бою. Но можно обратиться к Шейнире – и она даст то, чем нынче обделила синхов, своих детей... потому что тот, кто во главе храма, отвернулся от великой матери. Но Шейнира чужда для нас, и потому нужно платить... всегда.

– И что же ты просила у Шейниры? – хрипло спросил Дар-Теен. Он по-прежнему не мог отвести взгляда от золотой розы, высушенной, но все же...

– Я не просила, – ийлура жалко улыбнулась, – моя матушка просила, когда я совсем маленькой была. Тогда... Меня ведь Эйх-Мерол привез с дикого пограничья, и на наш город напали элеаны, дети сумеречного бога. Моя матушка вознесла молитву, от всего сердца, и Шейнира ее услышала – дала Силу победить врага, взяв в жертву их жизни. И еще... жизнь моей матери.

По щеке Лиэ-Нэсс скользнула вниз маленькая слезинка, голос сорвался, но ийлура не думала умолкать. Ее губы дрожали, и Дар-Теен впервые за все время их преступной связи увидел, что левый глаз молодой ийлуры непроизвольно подергивается.

– Да, матушке не поздоровилось. Ее... ее убили... Свои же! За то, что спасла город, за то, что столько ийлуров осталось в живых. За то, что посмела обратиться к Шейнире.

В чулане повисло напряженное молчание. Лиэ-Нэсс беззвучно плакала, судорожно сжимая в руке розу, а Дар-Теену более всего хотелось исчезнуть невесомой струйкой дыма и сделать вид, что никогда не видел ни чулана, ни сокровищ возлюбленной, которая... Да, которая оказалась *темной ийлурой*, проклятой ийлурой... Дар-Теен слышал о таких, об отступниках, обратившихся к Темной матери. Говаривали, что после смерти души темных отправлялись прямиком в ожерелье богини, чтобы возродиться уже в мерзких ящероподобных телах синхов.

Лиэ-Нэсс шмыгнула носом и принялась убирать свои богатства.

– Пойдем, пойдем отсюда, Дар-Теен. Не нужно было тебя приводить сюда... Не нужно...

Ее острые лопатки шевелились под тканью халата, и ийлур снова подумал о том, что души отступников обречены.

«Но как же... Как же так?»

Горло сжалось. Душа прекрасной, солнечной Лиэ-Нэсс – и в теле синха?!!

– Выходи, – глухо попросила она, – я запрю. Вижу, тебе не очень-то понравилось увиденное, да? А я-то думала, что мы *на самом деле* близки друг другу, а не только в постели. Дар-Теен ничего не ответил. Просто не мог подобрать нужных слов.

* * *

«Я хочу спасти тебя. Зачем тебе Шейнира, Лиэ-Нэсс? Тебе, прекрасной, словно предснежник, светлой, как лучи всемогущего дневного светила?»

Он стискивал кулаки, ногти врезались в ладони, и боль немного отрезвляла.

«Я хочу спасти твою душу, чтобы ты отдыхала в садах Фэнтара», – думал Дар-Теен, отчаянно, до крови кусая губы. Редкие прохожие шарахались в сторону, ибо слишком мрачным был лик благородного дружинника.

«Но как мне отвратить тебя от Шейниры и вернуть пред очи светлого Фэнтара?» – казалось, голова вот-вот лопнет. Раскаленный шар боли катался под черепом, затмевая взор.

«Кто мне поможет в этом, если не...»

Дар-Теен остановился перед храмом.

«Если не сам Фэнтар?!!»

Храм был единственным каменным строением в городе. Благородные ийлуры предпочитали дерево, теплое и уютное; низкорощенным и подавно было не до каменных хором. Тяжеловесный, с массивными колоннами, Храм стоял посреди площади вот уже некоторое столетие, и не одно поколение ийлуров падало ниц перед алтарем с частицей рукояти Молота.

Дар-Теен не был исключением. Он ревностно посещал общие молитвы, выпрашивая удачу в бою, возносился всем сердцем ввысь, под самые своды храма, растворяясь в ароматических курениях. И Фэнтар отвечал, храня в сражениях и даруя победу – над элеанами, синхами, да и над ийлурами тоже, ибо меч дружинника – меч владыки.

...Он шагнул под священные своды. Вслушиваясь в гулкий звук собственных шагов, приблизился к воротам Познания, как их называли жрецы. Была немалая доля правды в словах служителей Фэнтара: обе створки представляли собой гладкую зеркальную поверхность.

«Посмотри на себя, взглядишь себе в глаза и познай глубину веры».

На Дар-Теена из мутноватых глубин взглянул высокий ийлур, светловолосый, как и все северяне, с яркими голубыми глазами, в которых вертикальные ийлурские зрачки чернели двумя засечками. Волосы заплетены в две недлинные косы, борода – тоже. Все так, как всегда... Только вот на лице застыли тревога и неуверенность, и даже глубокий шрам, перечеркнувший скулу, побелел.

«Дай мне сил завершить начатое», – мысленно попросил Дар-Теен и легонько толкнул створки, – «В конце концов, отчего я дрожу, словно испуганное дитя? Ведь я только хочу помочь ей, моей возлюбленной».

За воротами Познания начинался зал Молитв.

Более двухсот шагов в ширину и никак не меньше в длину, не стенах – фрески, изображающие подвиги Фэнтара под небом Эртинойса, по всему периметру – курильницы, а у дальней стены алтарь и урна для сбора прошений. Так уж было заведено, что любой желающий мог написать на клочке освященной кожи просьбу и оставить ее в урне; некоторые ийлуры потом клялись, что видели священные сны, в которых сам Фэнтар читал их записки и обещал непременно выполнить.

Дар-Теен, стараясь не шуметь, подошел к курильнице и от уголька зажег ароматическую палочку. Затаив дыхание, наблюдал, как первые завитки дыма поплыли вверх.

– Помоги ей, великий Фэнтар, – прошептал он, – наставь на светлую дорогу и отврати от мерзкой Шейниры, чье дыхание обращает жизнь в тлен.

Сердце болезненно сжалось; Дар-Теен изо всех сил пытался представить себе Фэнтара, восседающего на троне среди облачных садов, но перед глазами стояло заплаканное личико Лиэ-Нэсс... Когда она рассказывала про убитую мать, убитую темную ийлuru.

– Спаси ее, – пробормотал ийлур, – кого я еще могу просить, если не Тебя, нашего создателя и вечного наставника? Я... я не знаю, отчего она свернула на путь гибели, но ведь еще не поздно... Лиэ-Нэсс так молода!

И снова он вспоминал ее лицо, ее длинные волосы, ярко-рыжие, солнечные, и глаза, полные тьмы. Ох, лучше бы Лиэ-Нэсс и в самом деле никогда не показывала ему золотую розу... тогда и не пришлось бы мучиться.

«Но теперь ты знаешь, как ей помочь», – урезонил себя Дар-Теен, – «так пусть эта молитва достигнет слуха отца нашего, и пусть он протянет заблудшей руку помощи».

– Верни Лиэ-Нэсс на светлую дорогу, – попросил ийлур, глядя на тающие завитки дыма, – я принесу в жертву козленка в день зимнего солнцестояния, только помоги ей. Ведь я... я все равно ее люблю, хоть и не должен.

Дар-Теен дождался, пока истлеет палочка. Постоял-постоял, надеясь услышать ответ Фэнтара, а затем побрел к выходу.

Он шел не оглядываясь, а потому не увидел, как за алтарем отворилась маленькая дверца, и как жрец долго смотрел ему вслед.

* * *

А на следующее утро Дар-Теен проснулся с гудящей головой и стойким ощущением нависшей угрозы.

Он выглянул в окно – на дворе было позднее утро, солнце отражалось тысячью искр в белом покрывале зимы, где-то поблизости весело трещали женщины... Казалось бы, откуда взяться чувству, что все это вот-вот разобьется вдребезги, и спокойствие короткого зимнего дня – не более, чем обман?

Ийлур поежился. Порылся в памяти, пытаясь сообразить – а что такого он сделал не так? Давешнее посещение Храма легло на душу горящим осадком.

«Она просила никому не говорить», – думал Дар-Теен, спешно одеваясь, – «а я... Но, поберей меня Шейнира, я же поделился только с Фэнтаром! Она говорила о смертных, а боги... Боги – это другое. Никто больше не узнает... Разве что сам Фэнтар решит спуститься на землю Эртинойса! Все, больше и думать не стоит об этом. Я сделал все правильно».

И, подбодрив себя таким образом, Дар-Теен вышел из дому.

На углу и правда сплетничали две торговки; ийлур, проходя мимо, невольно прислушался.

– Какой позор! – пыхтела одна, – так опозорить благородного Эйх-Мерола!

Вторая зло прошипела:

– Ну и поделом ей. Я всегда подозревала, что эта чужачка не так проста... Да ведь, знаешь ли, ходят и другие слухи...

Что это были за слухи, Дар-Теен уже не стал слушать. С трудом передвигая ставшие непослушными ноги, ийлур двинулся вперед, на оживленную улицу. Во рту разливалась горечь, словно с большого похмелья, а под ребрами все стянулось в тугую, болезненный узел.

«Как же так?!! Как же?..»

Почти не разбирая дороги, он обогнал мирно беседующую парочку.

– Слышал новость? Эту дуру Лиэ-Нэсс муж раскусил... У той, оказывается, был другой ийлур.

Снег начал медленно темнеть перед глазами.

– Говорят, почтенный супруг в ярости и пообещал двести золотых за голову любовника, – прошипела почти в лицо седая старуха.

– А я так и вообще слыхал, что она не так проста была, и что давно продалась темной Шейнире.

Дар-Теен, с трудом переводя дыхание, прислонился к бревенчатой стене терема. В висках, катаясь болью, вместе с пульсом бился всего один вопрос: «Откуда они знают?»

Вот мимо прошагали дружинники, и имя Лиэ-Нэсс, ее священное имя, было растоптано их тяжелыми башмаками.

А вот еще две кумушки – и снова Лиэ-Нэсс, которую с удовольствием поливают грязью и радуются ее падению.

Дар-Теен крепко зажмурился. Ему отчаянно захотелось, чтобы все происходящее было тяжким кошмаром, и чтобы проснуться – и снова увидеть сверкающий под утренним солнцем снег, и вдохнуть чистого, не замаранного предательством воздуха...

– А, приятель, вот ты где!

Ийлур едва не бросился бежать. Сглотнув, уставился на давнишнего своего знакомого, из той же дружины. В ярких голубых глазах ийлурасы осыпались искорки смеха.

– Слыхал новость, а?

Вдох. Выдох. И Дар-Теен прямо взглянул в глаза тому, чье имя едва ли помнил.

– Какую?

Ийлур похлопал рукавицами друг о дружку.

– Ну ты даешь, Дар-Теен. С утра весь город только об этом и болтает...

Дар-Теен лишь развел руками и ухмыльнулся.

– Я только проснулся. Вчера, знаешь ли, перебрал слегка...

– А, ну тогда слушай, – бравый дружинник буквально лопался от желания поведать последнюю сплетню. И, подхватив Дар-Теена под локоть, он поволок его к ближайшей таверне.

– В общем, дело было так...

Он выдержал эффектную паузу, разливая из кувшина пиво по кружкам.

– Благородному Эйх-Меролу донесли, что его красавица жена бессовестно ему изменяет... Ага, не смотри на меня так, неизвестно, с кем. Знают лишь, что ийлур высок ростом, широк плечами и светловолос. Ну да кто в этом городе не высок, широкоплеч и светловолос? Бедняжка Лиэ-Нэсс рыженькая, ну еще парочка южан. А остальные – одинаковые, как на одно лицо. Эх...

И он опрокинул кружку.

А Дар-Теену захотелось схватить собутыльника за шиворот и трясти до тех пор, пока тот не скажет *все*, что ему известно. Но вместо этого он только отхлебнул пива, которое оказалось сильно разбавленным, и поспешно прилепил к лицу подобие улыбки.

– Ну вот. – ийлур вытер бородку, заплетенную в положенные две косички. Бросил в рот горсть соленых и высушенных мидий. – Представь себе, Дар-Теен... Муженек разозлился и пошел искать свою неверную жену, чтобы, как я думаю, разукрасить ее божественную спинку замечательными полосками. Нашел он ее не сразу, Лиэ-Нэсс за каким-то хвостом Шейниры понесло в заброшенный чулан... А когда наконец схватил он ее за рыжую косу, выяснилась еще одна занятная подробность...

Последовала еще одна кружка и еще одна горстка мидий.

Дар-Теен сидел неподвижно, уже почти понимая, что именно нашел Эйх-Мерол в чулане Лиэ-Нэсс.

– Оказывается, крошка Лиэ-Нэсс собрала у себя уйму ритуальных безделиц, – радостно сообщил ийлур, – понимаешь, Дар-Теен? Ри-ту-аль-ных!

– И что это было?

– Ох, ты не поверишь!

«Поверю», – мрачно подумал Дар-Теен, с ненавистью глядя на собеседника, – «чего он тянет? Словно знает, кто именно был любовником Лиз-Нэсс, и хочет помучить».

– Лиз-Нэсс, оказывается, отвернулась от Пресветлого Фэнтара и продалась мерзкой Шейнире, – громким шепотом сообщил ийлур. И поспешил залить имя ненавистной богини приличной порцией пива.

– Ого, – равнодушно сказал Дар-Теен, – ничего себе новость... И что теперь?

– Что? – голубые глазки собеседника невинно моргнули.

– Ну, что с Лиз-Нэсс будет? Все-таки жалко, красивая была ийлура...

И Дар-Теен вдруг замолчал, с ужасом осознав, *что* только что ляпнул.

– Вот именно, – пьяно хихикнул давнишний знакомый без имени, – скоро все так и будут говорить – «была». Эйх-Мерол властью молочного брата владыки приказал отрубить ей голову... Но, естественно, не сразу. Сперва ее будут пороть у позорного столба, прилюдно. Потом заставят покаяться Фэнтару. Ну, а потом – потом все и закончится.

– И... когда?...

– Да говорят, завтра в полдень.

Ийлур с удовольствием захрустел сушеными мидиями.

– Эй, Дар-Теен, ты куда? Погоди...

Но он уже не слушал. Жадно хватая морозный воздух, шагнул прочь от таверны.

«Завтра в полдень».

Лиз-Нэсс осталось жить всего ничего.

Но откуда, откуда мог узнать Эйх-Мерол? Неужели слуги донесли?!!

Ийлур вдруг остановился. Нет, слуги вряд ли могли знать. Или все же могли? Ненароком проснувшаяся горничная, или конюх, бредущий в отхожее место... кто-нибудь мог его увидеть.

Он терялся в догадках, и это было мучительно – так, словно ты замерзаешь в ледяном лабиринте, и знаешь, что где-то в центре его горит костер... Но не знаешь, как до него добраться, и блуждаешь, блуждаешь, уже не чувствуя пальцев ни рук, ни ног. Дар-Теен со стоном вцепился ногтями в лицо. Какой же он дурак! Бродит, размышляет, пытается найти виноватых... В то время как его Лиз-Нэсс, чье имя теперь навеки втоптанно в грязь, а душа принадлежит Шейнире, его *любимая* обречена на скорую гибель.

– Я должен ее увидеть, – прошептал ийлур, – должен... Любым путем.

* * *

К вечеру он уже знал, где держат отступницу. Впрочем, тут и самому догадаться было бы несложно – в городе только одно место, куда сажают приговоренных к смерти, небольшой каменный дом с единственным зарешеченным оконцем, хорошо охраняемый, но, к счастью, стоящий на окраине. Ийлору, запятнавшему себя нечистыми поступками, нечего делать рядом с добрыми детьми Фэнтара.

И, как только стемнело, Дар-Теен поспешил на свое последнее свидание.

... До места ийлур добрался быстро. Потом, затаившись за углом последнего дома, следил за стражниками у костра. Они весьма добросовестно охраняли двери, в то время как единственное оконце, на счастье, выходило на противоположную сторону. Мелькнула было мысль о том, что можно попробовать вытащить Лиз-Нэсс из заточения, и убежать вместе с ней, но...

– Один, два, – он, щурясь на яркое пламя костра, попробовал подсчитать ийлуров, – двенадцать. Не много ли для того, чтобы стеречь одну женщину?

Ийлуры болтали у костра, жарили мясо. И, судя по отточенным движениям, пили исключительно воду.

Дар-Теен вздохнул. Нет, ему в одиночку не раскидать дюжину хорошо тренированных воинов. Значит, остается только одно – увидеть Лиэ-Нэсс в последний раз.

Никем не замеченной тенью он скользнул к зарешеченному окошку, убедился еще раз, что ужин ийлуоров в разгаре, и тихонько позвал.

– Лиэ-Нэсс. Лиэ... Ты здесь?

В крошечной темноте, за решеткой, что-то звякнуло. Раздался странный звук – словно тащили по камням железо.

«Неужели она в цепях?» – только и успел подумать Дар-Теен. А потом все мысли отшибло, потому что в окошке появилось белое, как снег, лицо.

– Ты?... – Лиэ-Нэсс удивленно воззрилась на него, – ты...

Напрочь утратив дар речи, ийлур разглядывал ее распухший и не открывающийся глаз, засохшую корку крови на скуле.

– Что они с тобой сделали, Лиэ?

Глупый вопрос. И без того было ясно, что с ней сделали, и что еще сделают... Дар-Теен испытал внезапный приступ тошноты.

А ийлура, оглядев его здоровым глазом, слабо улыбнулась.

– Ты пришел проститься, да? А я-то... Я думала о тебе плохо, Дар-Теен. Но теперь вижу, что ты даже не стоишь того, чтобы о тебе плохо думать. У тебя бы не хватило духу сделать то, о чем мне рассказали!

Она протянула руку сквозь решетку и прикоснулась к его щеке.

– Лиэ-Нэсс! – он схватил тонкие пальчики, прижался к ним губами, – милая, любимая... я не понимаю.

– Вот поэтому я и раскаиваюсь в том, что думала о тебе плохо, – прошептала она, не торопясь убрать руку, – за меня... не печалься обо мне, Дар-Теен. Я буду сильной, как и моя матушка.

– Но почему, почему ты говоришь, что думала обо мне плохо? Скажи лучше, кто предал тебя, и я – клянусь – я убью его!

В уголке рта ийлуры прорезалась глубокая, горькая морщинка.

– Ты так ничего и не понял, Дар-Теен? Тогда тебе не остается ничего иного, как самому броситься на свой меч!

Он замер. словно обухом по голове огрели.

– А, я так и думала. Я просто не могла поверить, что ты можешь так поступить, – просто сказала ийлура, забирая руку из пальцев Дар-Теена, – у тебя и в мыслях подобного не могло быть. Ты же... ты же как теленок, доверчивый и добродушный...

– Расскажи мне, – прошептал Дар-Теен, – говори, не молчи. Я ведь должен... должен понять, Шейнира меня побери!

Она судорожно вцепилась в прутья решетки. Лицо – по-прежнему прекрасное – оказалось совсем близко, так, что Дар-Теену захотелось поцеловать ее белый лоб, и опухший глаз, и даже ссадину на скуле...

– Эйх-Мерол сказал мне, – хрипло прошептала Лиэ-Нэсс, – он сказал, что презренный, посягнувший на мое тело, пришел в Храм Фэнтара и исповедовался во всем жрецу. Просил прощения у Фэнтара. И взамен рассказал и о своей преступной похоти, и о том, что я связалась с Шейнирой...

– Но это неправда! – чуть не крикнул ийлур, но осекся. На самом деле... Все это было правдой... почти... за тем лишь исключением, что он ничего не говорил жрецу. Перед глазами все поплыло.

«Но ведь жрец мог подслушать».

Он посмотрел на Лиэ-Нэсс и понял, что она улыбается.

– Я не предавал тебя, Лиэ.

– Знаю. Но ты мог это сделать невольно. Ты ведь был в Храме Фэнтара?

Кажется, она даже не обвиняла его. Говорила тихо и устало.

– Я убью жреца, – прохрипел ийлур, – я убью твоего мужа... за то, что он поднял на тебя руку. Я убью... всех их... Тех, кто будет завтра смотреть.

Лиэ-Нэсс махнула рукой.

– Не нужно красивых и громких слов. Теперь я знаю, что ты не виноват, и знаю, что ты не переставал меня любить. Разве твоя вина в том, что ты был рожден слабым? Послушай меня, Дар-Теен...

Их пальцы сплелись. В последний раз.

– Слушай внимательно, – Лиэ-Нэсс грустно посмотрела на него, – как бы там ни было, но завтра я умру из-за тебя. Не приходи смотреть на казнь, не нужно... Я прошу, чтобы ты кое-что сделал, в память обо мне.

– Клянусь.

– Не клянись, но выполни.

– Выполню, даже если мне придется умереть.

– У задней стены моего терема, под корнями старого пня, я зарыла в снегу одну очень важную вещь. Обещай, что достанешь ее оттуда – и отнесешь в Храм Шейниры. Что-то ты побледнел... Это нужно отдать синхам.

Она горько улыбнулась.

– Я прошу немного, Дар-Теен. Не отказывай мне в последней просьбе.

– Но что там?

– Всего лишь мешочек с семенами, любимый. Сделай это для покоя моей души, понимаешь? Иначе... – в ее единственном здоровом глазу сверкнула злость, – иначе я прокляну тебя, и мой дух будет преследовать тебя до конца жизни.

И, уже шепотом, ийлура добавила:

– Если от меня отвернулся Фэнтар, то мне ничего не остается, как принести обильную жертву Темной Матери синхов.

Глава 4

И в жертву отдаю я их

Он все-таки пошел на казнь. Сам не зная, зачем туда идет, потому что не было надежды ни на внезапную подмогу, ни на столь же внезапное и еще более невозможное помилование. Кто будет спасать ийлуру, ступившую на путь Шейниры и отвернувшуюся от Покровителя? Правильно, никто. Участь Лиэ-Нэсс была решена, и изменить ее мог разве что сам Фэнтар. Но Дар-Теен был почему-то уверен в том, что бог ийлуров не спустится из своего заоблачного царства ради жизни отступницы.

К началу экзекуции Дар-Теен опоздал. Уже был зачитан приговор, и отсчитали положенные удары плетью, и маленькое тело Лиэ-Нэсс, выставленное на всеобщее обозрение, безвольно висело в кандалах. По исчерканной алым спине, ногам сочилась кровь. И еще... Волосы Лиэ-Нэсс. Длинные, ярко-рыжие – их больше не было. Была только наголо обритая головка.

Прикусив губу и ощущая на языке солоноватый привкус, Дар-Теен протолкался сквозь толпу зрителей. Ийлуры хранили молчание, ни свиста, ни улюлюканья, как того можно было ожидать; сам Эйх-Мерол, у помоста, кутался в меховой плащ и на жену глаз не поднимал.

«Что, совесть заела?» – хотелось крикнуть Дар-Теену, – «не хочешь смотреть на то, что натворил?»

Пальцы сами собой легли на рукоять меча. А что, если?..

«Нет. Ты поклялся Лиэ-Нэсс, что выполнишь ее просьбу, какой бы она не была. А напасть – сразу отправишься к Фэнтару».

И он, как ни больно это было, вновь перевел взгляд на ее тонкую спину, к которой уже никогда не прикоснуться, и не ощутить аромат гладкой кожи.

– Прости, – беззвучно прошептал Дар-Теен, – хотя и нет мне прощения.

Лиэ-Нэсс слабо шевельнулась у столба, замаранные кровью пальцы сомкнулись на цепях. Еще одно невозможное усилие – и она стала на ноги.

– Смотрите, смотрите, – зашикал кто-то рядом, – она...

– Она пришла в себя, – вырвалось у Дар-Теена, – но лучше бы ей оставаться без чувств.

Ийлур смотрел на ту, кого любил и кого предал. Он чувствовал, как в груди натянулась хрусткая корочка, пульсирующая в такт биению сердца. Ему казалось, лопни она – и само сердце разорвется на куски, и он упадет и умрет прямо на этой площади, под ногами молчаливой, но безучастной толпы.

«И ты боишься этого? Не хочешь умирать, да? А как же... Как же Лиэ-Нэсс, которую твоя неосторожность отправили на пытки и казнь?»

Дар-Теен смотрел на Лиэ-Нэсс. И понимал, что его боль – лишь слабая тень ее страданий, и слишком легкое наказание для того, кому она доверилась. Для того, кто предал.

«Да, да. Не отводи глаз. Смотри. И помни до самого последнего вдоха».

Но все же он – на мгновение – поднял взгляд к небу.

– Что же ты молчишь? Ты ведь бог, тебе ничего не стоило простить ее! Или же... Даже боги не столь могущественны, чтобы позволить себе быть милосердными?

Стоявший рядом ийлур удивленно оглянулся, и Дар-Теен поспешно прикусил язык. Так и до беды недалеко; жители города – ревностные слуги Фэнтара, и не стоит их дразнить.

«Тем более, что тебе еще предстоит выполнить ее последнюю просьбу».

Подручный палач освободил руки Лиэ-Нэсс, и они упали двумя сорванными лилиями. Но – по толпе зрителей пронесся вздох – ийлура самостоятельно держалась на ногах, и начала медленно поворачиваться. Лицом к тем, кто пришел посмотреть на ее уход из жизни.

Эйх-Мерол судорожно запахнул а на груди плащ и уставился на носки собственных сапог.

А Лиэ-Нэсс... Избитая, измученная – замерла лицом к толпе, ничуть не стесняясь наготы, спокойно положив руки на бедра. И вдруг каждому стало ясно, что душа, запертая в этом хрупком теле, не боится шагнуть за последнюю грань, а все, собравшиеся на площади подобны жалким червям, ползающим у ног истинной ийлуры.

Внезапно Дар-Теену померещился мутный силуэт за узкой спиной приговоренной к казни, он даже потер глаза, но видение никуда не исчезло. Словно облако подъятых с земли частиц пепла замерло над плечами Лиэ-Нэсс, прилипло к ней, вопреки законам мироздания игнорируя даже порывы ветра.

«Что за чушь?» – ийлур осторожно оглянулся на соседа.

Нет, похоже, что никто кроме него ничего не заметил.

Лиэ-Нэсс улыбнулась и начала медленно разводить руки в стороны, словно раскрывая объятия всем присутствующим. По площади – словно дыхание ветра среди ледяных торосов – пронесся сдавленный вздох.

– Она вызывает к Шейнире, – услышал Дар-Теен, – она вызывает... это в самом деле темная ийлура!!!

– Нет, остановись, пожалуйста, – одними губами прошептал Дар-Теен, – не надо, прошу...

Черные глаза Лиэ-Нэсс казались двумя провалами в ночь. Ийлура пошарила взглядом по толпе, словно разыскивая кого-то, затем увидела Дар-Теена – он съежился, внезапно испытав желание стать невидимым.

– Беги, – одними губами произнесла ийлура.

Бестелесный голос существа, одной ногой стоящего за краем жизни.

– Беги, – повторила Лиэ-Нэсс.

Она предупредила только его одного.

И Дар-Теен послушался. И действительно двинулся прочь с площади. Сердце прыгало в груди, словно тряпичный мячик, страшное предчувствие нависшей опасности накрывало тошнотворной волной страха.

«Пожалуйста, не нужно...»

Ему вдруг захотелось плакать. Совсем как маленькому, упасть на колени перед застывшей на эшафоте темной, и молить – чтобы остановилась. Не ради тех, кто пришел поглазеть на ее гибель, но ради самой себя. Ибо страшна участь отступницы, продавшейся темной Шейнире, и душа ее обречена на плен без надежды на завершение пути в садах Фэнтара.

– Остановись... Не губи себя.

Он запнулся, замолчал, когда раздался голос Лиэ-Нэсс. Звонкий и сильный, вмиг перебивший и гул толпы, и бряцание оружия. Дар-Теен застыл, как вкопанный, ощущая, как ее взгляд скользит промеж лопаток, и оттого под сердцем проворачивается ржавый гвоздь. *То, чего он боялся более всего...*

– Прими мою проклятую душу, Шейнира. И в жертву тебе отдаю я их.

В самый последний миг Дар-Теен обернулся.

...Он увидел белоснежную фигурку Лиэ-Нэсс, раскинувшую тонкие руки, и почему-то воспарившую над черным помостом. Успел заметить Эйх-Мерола, метнувшегося к темной с обнаженным мечом, младшего жреца в неуклюжем балахоне, творящего в воздухе оберегающий знак Фэнтара. А потом облако за спиной Лиэ-Нэсс ожило, обернуло хозяйку темным коконом и брызнуло во все стороны клочьями.

Первым упал Эйх-Мерол. Он оказался ближе всех к бывшей жене, успел даже занести меч над ее обритой наголо, жалкой головкой. Его последние слова излились в предсмертном вопле:

– Стреляйте!!! Стреляйте же!

За ним последовал палач, благоразумно прыгнувший с эшафота – растянулся по снегу с противным чавкающим звуком, словно под одеждой было не крепкое тело ийлур, а студень.

И Тогда Дар-Теен побежал прочь. Он расталкивал соплеменников, уже не владея собой, вопя от страха и чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота; и само небо казалось почерневшим – от предсмертных воплей, от ужаса, охватившего смертных, от хлюпанья того, что мгновением раньше было здоровой, живой плотью.

– Стреляйте! Самострелы, самострелы давай!

Дар-Теен споткнулся, упал. Тут же чей-то сапог прошелся по спине, вышибая дыхание; ийлур, хватая ртом воздух, поднялся на четвереньки, затем ухватился за ближайший локоть и встал на ноги.

– Не мешай, – процедил ему в лицо седой ийлур, – пошел, пошел отсюда!

И поднял самострел, прицеливаясь.

– Сейчас я тебя, стерва, достану...

– Нет! – Дар-Теен уже не соображал, что делает.

Он понимал только одно: этот ийлур хочет убить Лиэ-Нэсс, прекрасную, пахнущую поздними хризантемами. Не темное создание с черными провалами вместо глаз, а солнечную ийлору, с алыми искорками в пышных волосах, какой она спускалась с крыльца терема в тот памятный день.

– Идиот! – и тут же Дар-Теен получил такую оплеуху, что перед глазами запрыгали искры.

Звякнула тетива, кто-то коротко вскрикнул...

– Еще, парни, еще!

Дар-Теен вдруг вспомнил, кем был этот седовласый *убийца*: командовал городским гарнизоном.

– Нет, не надо, во имя Фэнтара... – он поднялся на одно колено, отпихнул в сторону разжиревшего торговца и увидел эшафот.

Лиэ-Нэсс уже лежала навзничь на самом его краю. Ее голова бессильно свешивалась вниз, откинута в сторону рука казалась невесомой на фоне черного сукна. Из рта по щеке пролегла темная струйка, и Дар-Теен даже увидел, как срываются одна за другой капли и падают в утопанный снег.

Он закрыл глаза. Потом вновь посмотрел на Лиэ-Нэсс: к ней уже торопились дружинники, с опаской, держа наизготовку самострелы...

«Смотри. И помни. Помни...»

На Дар-Теена никто не обращал внимания. И он, пошатываясь, побрел домой.

* * *

Последующие дни Дар-Теен провел в замечательной компании кувшинов с брагой. По мере их опустошения он посылал соседского мальчишку за очередной порцией, щедро задабривая мальчика золотишком – смешно сказать, он пытался подкопить им с Лиэ-Нэсс на побег, чтобы было на что жить в первое время. Теперь же... Все это оказалось ненужным, и даже противно до тошноты было смотреть на золотые кружочки, которыми он так дорожил. Еще тогда – да, именно тогда, когда *она* просила, нужно было все бросить, взять ее за руку и уйти. Вместе. Куда-нибудь на юг – ведь даже на границах Диких земель живут ийлур, да и элеаны временами считались хорошими соседями... И Дар-Теен равнодушно отдавал золото шустрому ийлору, посылая его за крепкой бражкой в «Черного борова».

Он пил, проклиная себя. Свою жизнь. Свою слабость. Страх оказаться не чьим-то дружинником на жалованье, а просто хозяином собственной жизни.

И, пока сменялись кувшины, Дар-Теену казалось, что Лиэ-Нэсс где-то рядом, и что стоит обернуться – и она будет лежать на кровати под боком, свернувшись калачиком. Он начинал отчаянно вертеть головой, но ийлура исчезала, залиvistо хохоча.

А потом настал тот торжественный момент, когда Дар-Теен твердо решил последовать за своей возлюбленной. И начал сооружать добротную ременную петлю, одновременно прикидывая, как он потребует у темной богини душу Лиэ-Нэсс.

– Ну, и чем это ты тут занимаешься?

Он пошатнулся и едва не упал с табурета; спасла, как ни странно, петля – уцепился за нее и удержал равновесие.

В дверях, оперев руки в крепкие бока, стояла ийлура, живущая по соседству. А из-за ее широкой юбки выглядывала смешливая мордашка того самого мальчишки, который верой и правдой служил Дар-Теену посыльным все эти дни.

– Слазь оттуда, – соседка бесцеремонно прошла в дом и тщательно прикрыла за собой дверь. Тут же прикрикнула на отпрыска: – а, и ты уже здесь? Пошел, пошел домой, живо!

Дар-Теен упрямо покачал головой.

– Уйди, женщина. Не мешай.

– Фэнтар не простит тебе этого, – она кивнула на привязанный к потолочной балке ремень, – или не ходил в Храм?

– Фэнтар... – монолог Дар-Теена вдруг прервался самой что ни на есть вульгарной икотой, – он... Никого не прощает!

– Да что ты говоришь? – протянула ийлура, приближаясь.

Дальше произошло то, чего Дар-Теен никак не ожидал от домовитой соседки. Нет, конечно, женщины ийлуров не уступали мужчинам в искусстве владения оружием; но соседка (как бишь ее зовут-то?) была похожа на смирную курицу-наседку, и Дар-Теену ни на миг не закралось подозрения, что...

Резким ударом под ребра она заставила его согнуться. А следующий, подлый удар под коленки явился причиной падения на пол, причем болезненного.

– Лежи и не дрыгайся, а то добавлю, – спокойно сказала ийлура, исчезая из поля зрения.

– Ты... ты-ы... – только и просипел Дар-Теен. Любопытно, но в голове его уже не осталось ни одной мысли – ни о царстве Шейниры, ни о Лиэ-Нэсс.

– Что? Сам виноват, соседка. А я-то нашла у своего золото, думаю – откуда? Пришлось за уши отодрать, сознаваться не хотел, видите ли.

Она вдруг склонилась к нему и тихо сказала:

– Забудь о ней.

И, не размахиваясь, вывернула на опешившего Дар-Теена кадку ледяной воды.

...Ийлуру звали Нэт-Ша. И, когда Дар-Теен как следует порылся в памяти, выяснилось, что пару раз она пекла ему пироги с дичью. Он приносил добычу, Нэт-Ша возвращала горячий пирог с хрустящей корочкой, оставляя в качестве платы за работу немного мяса для детворы.

Они сидели и пили горячий чай, заваренный из сушеных травок. Сперва Нэт-Ша предлагала Дар-Теену перекусить, но у того при упоминании о пище желудок начал извиваться ужом, так что пришлось ограничиться крепким чаем.

– Верно, сам Фэнтар тебя послал, – пробормотал ийлура, разглядывая маленькие листочки в кипятке, – спасибо. Сам не знаю, что на меня нашло, но... мне казалось, что так правильно.

– Соседушка, – Нэт-Ша одарила его лучезарной улыбкой, – ты бы подсчитал, сколько браги высосал за три дня... Ты мог вообразить, что находишься на небесах и полетел бы с собственной крыши.

Ийлур закрыл глаза. Может, и полетел бы... только не на небеса, а туда, где ждет его Лиэ-Нэсс.

– Послушай, Дар-Теен, – мозолистая ладошка ийлурсы накрыла его пальцы, – я догадываюсь, почему ты запил. И еще раз повторю – забудь о ней. Лиэ-Нэсс больше нет, понимаешь? И не твоя вина...

– Моя, – выдохнул он, – моя. Я сглупил, испугался... Я струсил перед *темной*, понимаешь?

И Дар-Теен, не думая о том, что соседка может разнести новость по всему городу, рассказал ей все.

...Нэт-Ша долго молчала, выводя пальцем на столешнице какие-то узоры. Затем покачала головой.

– Да, тяжела твоя ноша... Не бойся, никто больше не узнает...

Она внимательно посмотрела на Дар-Теена, и тот вдруг увидел в ее светлых глазах себя самого – растрепанного, с отеком лицом и полубезумным взглядом.

– Нэт-Ша, – прошептал он, – скажи... ты, похоже, мудрая женщина. Что бы ты сделала на моем месте?

Ийлур пожала плечами. Затем полезла в карман передника и выложила на стол мешочек с монетами.

– Возьми, Дар-Теен. Брага не стоит золота, уж поверь, а мы и без него проживем.

– Что бы ты делала, Нэт-Ша? – он вцепился в ее запястье, – что?!!

– Я бы выполнила последнее желание Лиэ-Нэсс, каким бы оно ни было, – медленно проговорила ийлур. И, помолчав, повторила, – каким бы оно ни было.

* * *

...Ночь выдалась морозной. Ярко сияли звезды на высоком небе, и над черными макушками деревьев висел хрустальный лунный серп.

«Как тогда, в последнюю нашу встречу», – мрачно подумал Дар-Теен.

Он шагал по хрустящему снегу сквозь спящий город. Срубы теремов были покрыты наледью; крыши, перила, подъезды – все сокрыл снег, убрал острые углы, разбросал мягкие полотнища фиолетовых теней.

«Как тогда...»

Дар-Теен задержался лишь у задней стены Храма. В окошке одной кельи мягко светился огонек, похоже, кто-то из жрецов не спал... Ийлур хмыкнул, представляя себе скрюченную на полу фигуру в неуклюжем балахоне, все слова невероятно выпретенных и, по сути, никому не нужных молитв. Считалось, что жрецы не себе вымаливают Силу, а народу ийлуров; но так же упорно ходили слухи и о том, что почти невозможно одолеть служителя Фэнтара в поединке, потому как если обычный ийлур и мог рассчитывать на помощь из небесного дворца, то жрец получал втрое больше оной.

Ийлур двинулся дальше, неспешно, стараясь не уходить с плотно утоптанной дорожки. До терема Эйх-Мерола осталось не так уж и долго.

Ну, а там – никем не замеченный, он скользнул на задний двор. Тут же навстречу кинулись псы, но не рвать чужака на части, отнюдь. Не зря ночь за ночью приходил Дар-Теен подкармливать мохнатых стражей, щедро одаривая мясом; и теперь, когда *настало время*, псы радостно вертели хвостами и подобострастно поскуливали.

– Вот вам, мои хорошие, вот... – Дар-Теен торопливо вывернул на снег содержимое мешка.

Теперь... У него была прекрасная возможность незамеченным пробраться к самой стене. Туда, где у старого пня, который отчего-то забыли выкорчевать, Лиэ-Нэсс зарыла семена золотых роз.

Ийлур опустился на колени и принялся шарить в снегу. Она ведь говорила, что в снегу? Дар-Теен уже ни в чем не был уверен. Кровь ударила в голову, дыхание сбилось... За спиной – забор с оторванной доской, псы доедают угощение, хрустя костями. И совсем близко наследники и прислуга отошедшего к Фэнтару Эйх-Мерола.

«Ну где же ты?»

Он растерянно посмотрел на пустые ладони. Неужели что-то напутал? Или сама Лиэ-Нэсс решила посмеяться над ним напоследок?

Снег у основания пня был старательно перерыт, но семян там не оказалось.

– Проклятие Шейниры, – сквозь зубы ругнулся Дар-Теен.

Выпрямился, бросил взгляд на довольных псов. По-хорошему, надо было отсюда убираться – кто знает, что творится в собачьих головах?

Он еще раз, уже ползая на коленях, перерыл снег вокруг пня. И только потом обругал себя последним дураком. Пень-то был старый, со вспученными корнями.

«Да ты просто не там ищешь!»

Дар-Теена охватил озноб. И, клацая зубами, он запустил руку куда-то вглубь, под снег и под землю...

Пальцы сомкнулись на небольшом, размером с детский кулачок, и тугом мешочке. Ийлур не стал его разглядывать, сунул за пазуху. По коже разлился неприятный холодок, но он даже не поморщился.

«А теперь – ходу, ходу отсюда...»

И, скользнув в лаз, Дар-Теен заторопился прочь от терема, в котором он познал счастье быть любимым.

...Проходя мимо задней стены Храма, он поискал глазами оконце бодрствующего жреца, но не нашел. Ночь отражалась в сонных глазах келий, и все верные слуги Фэнтара наверняка смотрели цветные сны.

И тут словно кто-то толкнул Дар-Теена. Он скорым шагом обогнул застывшую громаду Храма, задержался перед входом, а затем шагнул внутрь.

В конце концов, путь ему предстоял неблизкий и опасный. И не было ничего дурного в том, чтобы напоследок испросить у Фэнтара покровительства: разве откажет бог тому, чья вера крепка?

Дар-Теен удивленно взглянул себе в глаза перед воротами Познания. Сколько всего случилось, а он и не изменился: все то же лицо, тот же шрам, суровой нитью перетянувший скулу. Лиэ-Нэсс уже нет на свете, а он остался прежним... Значит, не любил и вовсе?!!

Он резко толкнул зеркальные створки и вошел в зал Молитв. Теперь было слишком поздно копаться в собственных чувствах. Оставалось лишь испросить у Фэнтара силы битв и отправиться в Дикие земли.

Прислушиваясь к звуку собственных шагов, Дар-Теен осторожно подошел к алтарю. Лампы едва теплились, разгоняя мрак, и оттого образ Фэнтара размером с хороший терем казался зыбким и расплывчатым. Ийлур потянул носом воздух – кажется, совсем недавно здесь курили благовония, но вокруг не было ни души.

Он смиренно опустился на колени перед алтарем. Еще раз поглядел на своего Фэнтара: тот, облаченный в богатую одежду, восседал на массивном троне. Застежки на плаще и корона на упрямом челе воинственного бога поблескивали позолотой. Глаза – яркие, синие – казалось, с интересом заглядывали в душу.

– Помоги мне, – просто сказал Дар-Теен, – я знаю, ты не одобряешь того, что я должен сделать, ибо Шейнира есть Тьма и Зло. Но точно также ты бы не одобрил нарушенной клятвы, ведь так?

Ийлуру показалось, что Фэнтар на стене чуть заметно кивнул, и уголки сжатого рта дрогнули в улыбке. Хотя, быть может, это была всего лишь игра света. Но на сердце потеплело, и Дар-Теен склонил голову, открывая покровителю всего себя. Пусть смотрит, ибо скрывать нечего...

– Я прошу, чтобы ты не оставил меня в час опасности, – прошептал Дар-Теен, – я прошу, чтобы ты был рядом, когда мне придется выполнить обещанное и встретиться лицом к лицу с врагом... Которого мне не придется убивать.

Дар-Теен еще раз взглянул в строгое лицо бога. Кажется, Фэнтар если не одобрял, то уж не осуждал намерений своего преданного слуги...

Обнадеженный, Дар-Теен поднялся и уже собирался выйти из зала Молитв, как услышал тихий скрип. Очень похожий на скрип дверных петель.

Дар-Теен был воином, причем хорошо тренированным. И ему понадобились доли мгновения, чтобы в два прыжка достичь стены Храма, дернуть на себя потайную дверь и без всякого почтения выволочь в круг света тощего жреца.

– Ты! Ты подслушивал?... – одними губами спросил Дар-Теен, вглядываясь в побелевшее и перекошенное лицо, – подслушивал?!!

Губы жреца шевельнулись, до слуха донеслось привычное – «Фэнтар, помоги».

А в голове Дар-Теена словно обрушилась лавина. Он вдруг подумал о том, что вот так же жрец могли услышать его исповедь и просьбы помочь бедняжке Лиэ-Нэсс, и что наверняка это был один и тот же ийлуру... Скорее всего, этот, уже поднимающийся с пола, судорожно шарящий по полу, словно где-то там было припрятано невидимое глазу оружие...

Он и сам не понял, как все произошло. Пальцы сжимали рукоять верного меча, и стальная полоса легко вошла жрецу под ребра. Тот даже не успел призвать Фэнтара, и теперь хрипел и булькал, пуская кровавые пузыри. Выругавшись, Дар-Теен резко выдернул меч – на рукаве тут же расцвели алые пятнышки брызг.

«Как же... Почему ты это сделал?»

Белое, как простыня, лицо жреца едва походило на лицо живого ийлура. Да и мало кто выживает после такой раны... Дар-Теен безмолвно стоял и смотрел, как, извиваясь, умирающий ползет к алтарю. В висках билась одна мысль – «беги». А ноги словно приросли к каменному полу.

«Почему? И тот ли это ийлуру?..»

Столбняк прошел только тогда, когда жрец все-таки добрался до камня алтаря и нажал на скрытую пружину. Под сводами Храма грянул гонг.

И тогда Дар-Теен побежал.

* * *

У него и в мыслях не было, что жрецы Храма смогут столь быстро снарядить погоню. Но – едва успел Дар-Теен убраться с храмовой площади, как ночь взорвалась криками и басовитым собачьим лаем. Ийлуру припустил что есть сил по заснеженной улочке, надеясь добраться до следующего проулка до того, как стражи Храма его заметят. А вот дальше... Что делать дальше? Собаки – это не шутка. Хорошо было бы запутать следы, но прятаться в собственном доме не стоит даже и пытаться: выломают двери и выволокут тепленького под руки...

– Держи его! Вот он!!!

Взгляд ийлура затравленно метнулся к источнику криков; оказалось – торговец в исподнем высунулся по пояс из окна терема и орал, как резаный, тыча пальцем-колбаской в Дар-Теена.

– Заткнись! – рявкнул Дар-Теен, – или убью...

Поборник справедливости поперхнулся собственным воплем и поспешил ретироваться. Хлопнули ставни. Дар-Теен ругнулся и побежал быстрее. В висках, вместе с тугими ударами пульса, билась мысль: «Как уйти?»

А дело в том, что, имея за спиной отряд храмовых стражей с собаками, он и в самом деле рисковал быть пойманным и отданным в руки жрецов. А уж они... Дар-Теену как-то рассказывали, долго и смачно, о том, как казнили одного безумца, посягнувшего на жизнь жреца. Кончил несчастный свою жизнь будучи посаженным на кол, и это наказание сочли справедливым и соразмерным тяжести преступления... Но Дар-Теена пугала даже не долгая и мучительная смерть. Он *должен был* выполнить обещание, данное Лиэ-Нэсс, а потому быть пойманным вовсе не входило в его планы.

Погоня дышала в спину и отставать не желала. Дар-Теен едва успел свернуть в проулок, как понял: они появились на улочке, где придурок-торговец наверняка укажет правильный путь. Хорошо еще, что не спустили собак, но и в этом был резон: убийцу жреца не стали бы отдавать на растерзание злобным тварям.

Ийлур еще прибавил ходу, в глубине души понимая, что долго не продержится. Легкие жгло, дыхание сбилось, ноги казались двумя тюками с овечьей шерстью.

– Фэнтар, помоги, – выдохнул он вместе с облаком пара. И осекся: только полный тупица может просить покровителя о силе Битв после того, как прирезал жреца.

«Но я должен уйти!.. Должен!»

Дар-Теен огляделся. Высокие терема зажиточных горожан кончились, дальше начался квартал победнее. Небольшие деревянные домишки с плоскими крышами, сараи, крытые соломой и злющие псы в каждом дворе, уже поднявшие лай. Мол, поспешите сюда, убийца здесь... Дар-Теен, сплунув в снег вязкую слюну, уцепился за крышу ближайшего строения, подтянулся... Одного быстрого взгляда брошенного назад, хватило, чтобы понять: еще мгновение задержки – и ему не уйти. А потому Дар-Теен продолжил свой путь по крышам, благо, что домики липли друг к дружке, словно только что вылупившиеся цыплята.

– Держииии!!! Держи убийцу! – неслось сзади и снизу, но ийлур уже не обращал внимания.

Прыгая с крыши на крышу, ломая наст и порой проваливаясь по колено, он ухитрился перебраться на соседнюю улицу, там спрыгнул на землю и, уже с искрой надежды в душе, устремился к городскому частоколу. Дар-Теен, конечно же, понимал, что погоня так просто не отстанет, что они потратят некоторое время на то, чтобы сделать крюк и стать на след, но... У ийлура появилось чувство, что уж этой ночью ему не быть пойманным и отданным в цепкие руки жрецов.

Стражи Храма вновь появились в поле зрения, когда Дар-Теен достиг ворот, под которыми мирно дремали два пожилых ийлура. Он даже не стал их будить. Подскочив под самые створки, рванул вверх тяжеленный засов, да так, что в глазах потемнело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.